

БИБЛИОТЕКА

ДЛЯ

ЧТЕНІЯ

31
ЖУРНАЛЪ СЛОВЕСНОСТИ, НАУКЪ И ПОЛИТИКИ.

ИЗДАВАЕМЫЙ ПОДЪ РЕДАКЦІЕЮ

А. Ф. ПИСЕМСКАГО.

—
ДВАДЦАТЬ-ДЕВЯТЫЙ ГОДЪ.

—
СЕНТЯБРЬ.

9
ТОМЪ СТО-СЕМЬДЕСЯТЬ-ТРЕТІЙ.

9-11
—
САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

ВЪ ТИПОГРАФІИ ОТДѢЛНАГО КОРПУСА ВНУТРЕННЕЙ СТРАЖИ.

1862.

СОВРЕМЕННАЯ ЛѢТОПИСЬ.

ОЧЕРКИ СИБИРИ

ВЪ ИСТОРИЧЕСКОМЪ И ЭКОНОМИЧЕСКОМЪ ОТНОШЕНІИ.

I.

«На восточной странѣ, за Югорскою землею, надъ моремъ живутъ люди, Самоѣды, зовомы, Молонгозѣи, а ядь ихъ мясо оленье да рыба, да межи собою другъ друга ядятъ; а гостя къ нимъ придетъ, и они дѣти свои заколаютъ на гостей, да тѣмъ кормятъ. А которой гость у нихъ умретъ, и они того съѣдаютъ, а въ землю не хоронятъ, а своихъ также. Сии жь люди не велики возрастомъ, плосковидны, носы малы, но рѣзвы велики и стрѣльцы скоры и горазды, а ѣздятъ на оленяхъ и на собакахъ, а платье носятъ соболье и оленье, а товаръ ихъ соболи. Въ той же странѣ иная Самоѣды, такова же, Линная слыветъ; лѣтъ мѣсяць живутъ въ морѣ, а на сушѣ не живутъ того ради, занеже тѣло на нихъ трескается, и они тотъ мѣсяць въ водѣ лежатъ, а на берегъ не смѣютъ вылести. Въ той же странѣ есть иная Самоѣды, по пупъ люди мохнаты, а отъ пупа вверхъ, якоже и прочіе человѣцы; а ядь ихъ рыбы и мясо, а торгъ ихъ соболи, и песцы, и оленіи кожи. Въ той же странѣ иная Самоѣды, вверху рта на темени, а не говорятъ, и образъ въ половину человѣчь; а коли ядятъ, и они крошатъ мясо или рыбу, да кладутъ подъ колымакъ или подъ шапку и какъ начнутъ ясти, и они плечима двигаютъ вверхъ и внизъ.

Въ той же странѣ есть иная Самоѣдь, якоже и прочіе человѣцы, но зимою умирають на два мѣсяца, какъ гдѣ котораго застанеть въ тѣ мѣсяцы, тотъ тутъ и сядеть, а у него изъ носа вода изойдетъ, какъ отъ потока, да примерзнетъ къ земли, и кто человѣкъ иные земли невѣденіемъ потокъ той отразитъ отъ него, и соххнетъ съ мѣста, и онъ умретъ ту же и не оживетъ; а не соххнетъ съ мѣста, той оживетъ и познаетъ и речетъ ему: «о чемъ ма еси, друже, поуродовалъ? а иные оживаютъ, какъ солнце на лѣто вернется; тако всякій годъ оживаютъ и умирають. Въ той же странѣ, вверху Оби рѣки великія есть земля, Баидъ именуется, лѣса на ней нѣтъ, а люди какъ и прочіе человѣцы, живутъ въ земли, а ядятъ мясо соболя, а иного у нихъ никоторова звѣря нѣтъ, опрочи соболя; а носятъ платье все соболя, и рукавицы и ногавицы, а инова платья у нихъ нѣтъ, ни товару никоторова. А соболя у нихъ черны вельми, шерсть живова соболя по земли ея волочитъ. Въ той же странѣ иная Самоѣдь, по обычаю человѣцы, но безъ главъ, рты у нихъ межи плечій, а очи въ грудѣхъ, а ядь ихъ головы оленіи сырые, и коли имъ ясти, и они головы оленіи возметають себѣ въ ротъ на плечи и на другой день кости измещутъ изъ себѣ туда же; а не говорятъ. А стрѣлы же ихъ трубка желѣзна, въ руцѣ, а въ другой руцѣ стрѣлка желѣзна, да стрѣлку ту вкладаетъ въ трубку, да бьетъ молоткомъ въ стрѣлку, а товару у нихъ никоторова нѣтъ. Вверху тоя же рѣки великія Оби люди ходять подъ землею иною рѣкою день да ночь съ бочки на озеро (?), и надъ тѣмъ озеромъ свѣтъ преюдень и градъ великъ, а посаду пѣтъ у него; и кто поѣдетъ ко граду тому, и тогда слышати шумъ великъ во градъ томъ, какъ и въ прочихъ градѣхъ, и какъ придутъ въ него, и людей въ немъ нѣтъ и шуму не слышати никоторова, ни инова чево животная, но во всякихъ дворѣхъ ясти и пити всего много, и товару всякова кому что надобѣ; и онъ положивъ цѣну противъ того, да возметъ кому что надобѣтъ и прочь отходить. А кто что безъ цѣны возметъ, и обрящется паки въ своемъ мѣстѣ. И какъ прочь отходятъ отъ града това, и шумъ паки слышати. Въ восточной странѣ есть иная Самоѣдь, каменская, облежитъ около югорскія земли, а живутъ по горамъ высокимъ; а ѣздятъ на оленѣхъ и собакахъ, и платье носятъ соболя и оленіе, а ядятъ мясо оленье, да и собачину и бобровину сырую ядятъ, а кровь пьютъ человѣчью и всякую. Да есть у нихъ

лекари, у которова человекѣка внутри нездраво, и они брюхо рѣжутъ, да нутро вынимають да очищаютъ, и паки заживляютъ. Да въ той же Самоѣди видали, — скажутъ Самоѣды старыя люди, — съ горы подлѣ моря мертвыхъ своихъ, идутъ плачуще множество ихъ, а за ними идетъ великъ человекѣкъ, погоняя ихъ палицею желѣзною*.

Вотъ что знали о Сибири русскіе люди XVI и XVII вѣка. Эта далекая и безпредѣльная страна представлялась имъ полною чудесъ, населенною фантастическими существами, людоедами — «самояды». Съ распространеніемъ русскихъ колоній, жители Великороссіи болѣе и болѣе знакомились съ Сибирью изъ рассказовъ ѣздившихъ туда и обратно купцовъ, воеводъ, казаковъ и другихъ служивыхъ и промышленныхъ людей. Изъ страны, населенной чудищами, Сибирь становилась, во мнѣніи русскихъ, землею приволья и свободы, землею, полною многоцѣнныхъ богатствъ, гдѣ «живутъ мужики все богатые, они золото загребають лопатами, а бабы соболей бьютъ ухватами». Это мнѣніе о чрезвычайномъ богатствѣ Сибири, объ ея чуть не райскомъ изобиліи, постепенно развивалось и живетъ въ народѣ до настоящаго времени. Его держится не одинъ простой народъ, но и такъ называемыя высшіе слои русскаго общества. И для нихъ Сибирь — страна чудесъ, страна неисчерпаемыхъ богатствъ, откуда каждый годъ привозится около 1,500 пудовъ золота, не говоря уже о другихъ металахъ, откуда доставляются и соболы, и бобры, и лисицы, и мамонтова кость, гдѣ двадцать пять лѣтъ назадъ тому какой-нибудь исправникъ курганскаго уѣзда тобольской губерніи могъ нажать 1,000,000 р.**.

Изъ письма Сперанскаго къ дочери, отъ 14 іюня 1819 г., видно, что въ это время въ высшихъ слояхъ великорусскаго общества смотрѣли на Сибирь, какъ на богатую и роскошную Индію. Тѣ же слухи проходили и въ промышленномъ классѣ. «Скажу я вамъ про Сибирь, писалъ въ 1822 г. одинъ петербургскій мѣщанинъ, что она значитъ; я ее проѣхалъ всю и видѣлъ, гдѣ живутъ, которые сосланы на поселеніе; живутъ прекраснѣйшимъ образомъ, словомъ сказать, въ тысячу разъ лучше Россіи. У

* Амуръ 1861 г. № 95.

** Библіотеки казанской дух. академіи, *Козмографъ* № 11, л. 342 и слѣд. — Это, кажется, нигдѣ еще не напечатанное, описаніе встрѣчается и во многихъ сборникахъ казанской академической библіотеки, подъ заглавіемъ: *о челоуцьцяхъ незнаемыхъ*.

нихъ изобиліе во всемъ,—скота, хлѣба, и всякой рыбы; дома двухъ-этажныя и бѣлыя, съ балконами; самовары и чай у всякаго,—и бѣднѣй имѣетъ болѣе десяти тысячъ.» Съ открытіемъ золотопромышленности это мнѣніе еще болѣе укрѣпилось. Изъ убѣжденія, что «Сибирь — золотое дно», начало выражаться другое убѣжденіе, о великой будущности этой страны. Не только многіе сибиряки, но и лучшіе люди Россіи, сознавали и сознаютъ, что Сибирь будетъ нѣкогда цвѣтущею, цивилизованою страной, достойною сосѣдкою Америки, отдѣленной отъ нея Тихимъ Океаномъ, этимъ—*средиземнымъ моремъ будущаю*.

Но вмѣстѣ съ этими возрѣніями распространены и другія, гораздо менѣе выгодныя. «Сибирь есть просто Сибирь», то есть прекрасное мѣсто для ссылочныхъ, но не мѣсто для жизни и высшаго гражданскаго образованія, говоритъ Сперанскій. Этотъ же взглядъ выражается и нѣкоторыми сочинителями, въ родѣ знаменитаго г. Герсеванова, который пренаивно увѣрлетъ публику, что «Сибирь питается соками Россіи, сама мало оттого тучнѣетъ, а отнимаетъ силы у своей кормилицы». Для многихъ, кромѣ того, слово *Сибирь* также страшно, какъ слова — *вшафотъ*, *висельница*. Подъ словомъ *Сибирь* многіе разумѣютъ какую-то холодную, суровую пустыню, населенную каторжниками, волками и медвѣдами. Какъ панегиристы Сибири считаютъ ея жителей болѣе развитыми, болѣе умными и способными, менѣе забитыми и оувѣрными, чѣмъ жители Великороссіи, такъ и порицатели нашей страны смотрятъ на сибиряковъ, какъ на людей совершенно безнравственныхъ. Вотъ что писалъ между прочимъ, въ пятидесятыхъ годахъ, о Сибири одинъ русскій чиновникъ: «я совершенно убѣдился въ необходимости, чтобы управленіе сибирское состояло не изъ сибирскихъ же уроженцевъ, которые, имѣя родственниковъ и другія тамъ связи, и получивъ первоначальное тамъ воспитаніе, неминуемо получаютъ то *пазубное направленіе, которымъ отличается сословіе мѣстныхъ купцовъ и чиновниковъ*. Гораздо полезнѣе наполнять присутственныя мѣста въ Сибири благонамѣренными людьми изъ внутреннихъ губерній Россіи, а если и изъ сибирскихъ уроженцевъ, то во всякомъ случаѣ такихъ, которые съ малыхъ лѣтъ удалены были для воспитанія съ мѣста ихъ родины, и тѣмъ избавлены отъ *запазы, сильно распространившеяся въ сибирскомъ краѣ*».

Вотъ какъ смотрѣли и смотрятъ у насъ на Сибирь! Понятно

впрочемъ, что большею частію, это фразы, основанныя или на самомъ плохомъ знаніи страны, или на личныхъ видахъ. До послѣдняго времени о Сибири писали мало; а что написано, то представляетъ отнюдь не популярныя сочиненія, а только матеріалы для нихъ. Сибирь не имѣетъ исторіи — Фишеръ, Миллеръ и Словцовъ оставили только изслѣдованія о сибирской колонизаціи, Небольсинъ написалъ біографію Ермака, — остальные историки оставили или сухія хронологическія таблицы, или компиляціи изъ Миллера и Фишера. Сочиненія по сибирской географіи и этнографіи имѣютъ тотъ же характеръ ученыхъ изслѣдованій, обильныхъ матеріалами, но мало годныхъ для большинства публики. Притомъ, большая часть изъ нихъ написана на нѣмецкомъ языкѣ; многія же сочиненія, переведенныя на русскій въ концѣ прошлаго и началѣ нынѣшняго столѣтія, сдѣлались нынѣ бібліографическою рѣдкостью. Сочиненіе о Сибири г. Гагемеистера издано въ ограниченномъ числѣ экземпляровъ, не для публики. Только въ послѣдніе четыре года стали появляться живыя и интересныя статьи о Сибири гг. Потанина, Д. Завалишина, Максимова и др.; корреспонденція, особенно изъ Иркутска, также довольно. Какъ въ упомянутыхъ статьяхъ, такъ и въ корреспонденціяхъ видна одна общая мысль, что много тормазовъ, препятствующихъ развитію Сибири, но въ то же время видна жажда новой, лучшей жизни, — видна вѣра въ будущее. «Много преградъ развитію, говоритъ иркутскій корреспондентъ «Вѣка» но передъ терпѣніемъ, разумнымъ трудомъ и любовью, онѣ должны пасть, и падутъ одна за другой. И ужь падаютъ!...»

II.

Территорія Сибири, простирающаяся на 240 т. квадр. миль представляетъ дѣвственную, мало населенную, мѣстами совершенно пустынную страну. Всѣхъ жителей считается около четырехъ милліоновъ, не смотря на то, что русская колонизація продолжается уже около 300 лѣтъ. Такая медленность заселенія даетъ поводъ многимъ отвергать значеніе Сибири, какъ страны съ выгодными экономическими условіями. Основываясь на томъ, что цѣлыя обширныя округа, напр. Березовскій, неспособны къ хлѣбопашеству, порицатели Сибири весьма ограничиваютъ пространство удобной для заселенія земли и тѣмъ

думаютъ подорвать мысль о будущемъ экономическомъ и гражданскомъ развитіи нашей страны. Безспорно, что многія мѣстности, напр. округи Березовскій, Туринскій, частію Тюменскій и Тобольскій, сѣверныя части Якутской области,—негодны для земледѣлія, но не нужно забывать, что здѣсь есть другія отрасли промышленности—звѣроловство, рыбныя ловли, горныя промыслы, которые занимаютъ одно изъ главныхъ мѣстъ въ сибирской промышленности и торговлѣ. Здѣсь въ изобиліи водятся соболи, дисицы, песцы, медвѣди; положимъ, что отъ безрасчетнаго истребленія лѣсовъ, количество звѣря уменьшается, но отдаленность и негостепріимность разсматриваемыхъ нами мѣстъ препятствуетъ ихъ сильному заселенію и охраняя тѣмъ лѣса, даетъ возможность долгаго существованія и развитія звѣринаго промысла. Рыбныя ловли, напр. на Оби, Колымѣ, Лепѣ, промыслы морскихъ звѣрей—моржей, тюленей, китовъ, обильный особенно въ Охотскомъ морѣ; добыча птичьяго пуха, напр. въ Туруханскомъ краѣ; разведеніе оленей,—не только могутъ обезпечивать существованіе жителей этихъ безпашенныхъ мѣстъ, но и служить, вмѣстѣ съ пушниною, главными и выгодными статьями внутренней, а въ охотскомъ краѣ—и заграничной торговли. Добыча слоновой кости, золота и другихъ драгоценныхъ минераловъ, разработка каменноугольныхъ копей должны современемъ привлечь въ эти мѣстности значительное населеніе. Не говоримъ, что здѣсь населеніе можетъ быть очень плотнымъ и повсемѣстнымъ, что здѣсь могутъ развиваться фабричныя селенія и города,—мы хотимъ только сказать, что производительныя силы этихъ мѣстъ очень значительны и дѣлаютъ возможнымъ какъ колонизацію здѣшней страны, такъ и развитіе въ ней промышленности. Главныя,—*великія*, какъ ихъ звали встарину,—рѣки Сибири — Обь, Енисей, Лена, текутъ на сѣверъ; произведенія и транзитные товары средней и южной Сибири, хлѣбъ, чай, сахаръ, табакъ, матеріи и другія фабричныя произведенія по этимъ и другимъ рѣкамъ, удобно могутъ доставляться въ безпашенныя мѣста сѣвера и здѣсь вымѣниваться на мѣха, минералы, слоновую кость и проч. Въ томъ-то, по нашему мнѣнію, и состоитъ промышленное значеніе Сибири, что, вслѣдствіе крайняго разнообразія мѣстностей, въ ней необходимо должна развиваться богатая внутренняя торговля. Зачатки такой торговли мы уже видимъ въ тѣхъ мѣстностяхъ, о которыхъ говоримъ. На Якутскую ярмарку, бывающую въ іюнь и

июль, привозится товара на сумму около 500,000 рублей. Ко времени прихода судов жители сосѣднихъ мѣстъ стекаются на берега Лены, и базары отрываются въ Качугъ, Киренскъ, Олекминскъ и во многихъ другихъ мѣстахъ. Вездѣ на хлѣбъ, матеріи, чай и т. п. вымѣниваютъ пушнину, кожи, мамонтовую и моржовую кость. Такого же рода торговля производится лѣтомъ по Енисею, Оби и Иртышу; одну изъ главныхъ статей мѣстной торговли здѣсь занимаютъ пушнина и рыба. Въ г. Обдорскѣ бываетъ постоянно съ 25 декабря по 25 января ярмарка. Инордцы привозятъ на нее мѣха, одежду изъ оленьихъ шкуръ, гагачій и гусиный пухъ, мамонтовую кость и вымѣниваютъ у купцовъ на хлѣбъ, табакъ, порохъ, свинець, желѣзные и мѣдныя издѣлія, сукно, холстъ. На эту ярмарку пріѣзжаютъ изъ-за Урала Зыряне, Ижемцы и Самоѣды отдаленнаго сѣвера. Оборотъ ярмарки въ 1851 г. оцѣненъ въ 10,500 р. с.—Подобную же ярмарку видимъ въ мѣстечкѣ Островномъ, въ 250 верстѣ отъ Нижнеколымска. Въ 1852 г. привезено товара на 21,271 р. с. * Южныя части Сибири, т. е. киргизскія степи и Заилійскій край многими считаются мѣстами мало производительными и мало мало годными для заселенія. Правда, что здѣсь есть мѣстности совершенно негодныя къ земледѣлію, какова, напр., пустыня Бедъ Пакъ, но за то многія изъ подобныхъ мѣстностей обильны солью и серебро-свинцовою рудою. Но такихъ мѣстностей немного; гораздо больше мѣстъ редств, авляющихъ превосходныя пастбищныя и пахатныя земли; такова особенно часть киргизской степи, прилегающая къ Томской и Тобольской губерніямъ, и Семирѣчинскій край. Здѣсь по р. Или земля особенно плодородна и съ успѣхомъ воздѣлывается киргизами; пшеница и просо рождаются хорошо, по мѣстамъ—отлично. Да и вообще Киргизская степь представляетъ много мѣстъ удобныхъ для заселенія и пашни, и особенно скотоводства. Изъ киргизской степи пригоняются въ Сибирь лошади, рогатый скотъ, овцы, привозятся кожи и сало. Въ 1850—1852 г. черезъ Петропавловскую таможенную вывезено изъ степи 7,694 гол. рогатаго скота, 368,695 овецъ и козъ, 3,171 лошадь; а черезъ Семипалатинскую таможенную—3,334 рогатаго скота, 7,544 овецъ и козъ, 145 лошадей. Кромѣ того, черезъ обѣ таможи доставлено 162,826 кожъ и 15,229 пуд. сала. ** Не упоминая о торговлѣ

* Гагемейстеръ, ч. II, стр. 295.

** Статистич. Обзоръ Сибири, Гагемейстера, ч. II, стр. 580, 581, 585.

киргизскими красильными растеніями, скажемъ о приискахъ. Золотыя россыпи извѣстны въ округахъ Кокбетинскомъ, Кокчетавскомъ, Акмолинскомъ, Каралинскомъ, Аягузскомъ. Въ 1852 г. добыто во всей степи золота только 3 пуда, 29 фунтъ, 49 золотниковъ; но при дальнѣйшей развѣдкѣ и разработкѣ золотоносныхъ россыпей можно ожидать значительнаго увеличенія количества золота. По незначительной толщинѣ наносовъ, покрывающихъ золото, по высокой пробѣ его, по дешевизнѣ работы и провіанта—разработка золотыхъ присковъ здѣсь очень выгодна. Кромѣ того въ киргизской степи находятся довольно богатая серебряная руды, напр. салаирскія, руды мѣдная; богатая копи каменнаго угля. — Слѣдовательно, киргизскія степи имѣютъ большія производительныя силы и данныя для торговли внутренней и заграничной.

Теперь взглянемъ на среднюю полосу Сибири, простирающуюся отъ Урала до Тихаго океана. Эта полоса начинается низменностями, идущими отъ уральскихъ горъ; много мѣста занимаютъ здѣсь болотистыя пространства, поросшія большею частію огромными сосновыми лѣсами, тальникомъ, березой, осиною. Обширныя степи Васюганская и Барабинская устѣяны безчисленными озерами и болотами. Сухая и возвышенная степь Кузундинская представляетъ отличныя пастбища. Это, впрочемъ, самая скудная часть Сибири. По мѣрѣ приближенія къ востоку—страна все лучше и лучше. Томская губернія несравненно плодороднѣе и богаче Тобольской; страна Алтая и минусинскій округъ едва ли еще не лучше. Забайкальская область заключаетъ въ себѣ отличныя пастбища и превосходныя пашни. Наконецъ дѣвственный край Амура представляетъ лучшую мѣстность во всей Сибири, а уссурійская долина одинъ изъ лучшихъ уголковъ земнаго шара. По Уссуріи, протекающей болѣе 600 верстъ и принимающей въ себя до 18 рѣкъ и рѣчекъ, растутъ дремучіе лѣса, представляющіе чрезвычайное разнообразіе: на ряду съ сосной и елью, здѣсь встрѣчаются кленъ, дубъ, лиственница, кедръ, пихта, орѣховое и тутовое деревья, виноградъ, яблонь, черемуха. Въ этихъ лѣсахъ водятся дикія козы, медвѣди, тигры, лисицы, куницы, соболи, дикія кошки, быки, зайцы, фазаны, гуси, утки, голуби; въ водахъ—карпы, щуки, угри, форели. Климатъ здоровый и теплый; почва черноземная и въ высшей степени плодородная; у живущихъ здѣсь ссыльныхъ китайцевъ отлично родится пшеница, просо, ячмень, греча, горохъ, бобы,

кукуруза, табакъ, лекарственное растеніе *жень-шень*. Рѣка Уссури, впадающія въ нее рѣка Сунгачя и озеро Ханка, изъ котораго вытекаетъ послѣдняя, судоходны. * По берегамъ В. океана находится превосходныя гавани и бухты, одиѣ изъ лучшихъ въ мирѣ. Все это, и въ добавокъ богатая золотая россыпи, послужатъ развитію здѣсь самыхъ богатыхъ промышленныхъ поселеній.

Средняя полоса Сибири, отъ Урала до Тихаго океана заключаетъ въ себѣ самыя производительныя силы Сибири, составляетъ, такъ сказать, главный жизненный нервъ сибирской промышленной и гражданской жизни. Вся эта полоса хлѣбородна. Въ Тобольской губерніи производится въ годъ хлѣба болѣе 2½ милліоновъ четвертей, и, по вычисленію Гагемейстера, можетъ быть съ успѣхомъ поселено еще болѣе 500,000 хлѣбопашцевъ муж. пола. Урожай бываетъ часто самъ 10; количество хлѣба, находящагося въ торговлѣ не много не достигаетъ до 1,000,000 четвертей. Здѣсь сѣется рожь, пшеница-ярица, овесъ, пенька, ленъ.—Въ горномъ округѣ Томской губерніи въ 1851 г. собрано 2,263,045 четв. хлѣба; льна и пеньки поступаетъ ежегодно въ продажу 75,000 пудовъ. Въ Енисейской губерніи въ 1852 г. куплено на промысла хлѣба 1,723,798 пудовъ, для военныхъ магазиновъ и троицкаго солевареннаго завода въ 1851 г. 39,852 п., на казенныя винокуренныя заводы 22,000 п. Почву здѣсь, какъ и въ большей части Сибири, не унавоживаютъ; въ ачинскомъ округѣ урожай бываетъ обыкновенно самъ 10—12. въ минусинскомъ рожь даетъ самъ 30, пшеница—самъ 12, Иркутская губернія—отправляетъ въ енисейскую—до 1,000,000 п. хлѣба, на Александровскій винокуренный заводъ—40,000 четвертей, на солеваренный заводъ 50,000 п., по Ленѣ—болѣе 25,000 четв. Сюда не включено число хлѣба, потребляемаго жителями иркутской губерніи и идущаго на войска.—Забайкальская область производитъ хлѣбъ самъ 8—самъ 15. До 300,000 п. она отправляетъ хлѣба въ Монголію, кромѣ того, продовольствуетъ Амуръ и нерчинскіе горныя заводы. Впрочемъ нужно сказать, что въ Забайкальской области бываютъ частыя неурожая. Въ Якутской области хлѣбопашество не развито, въ 1852 г. снято съ полей только 12,332 четверти. Хлѣбопашество на Амурѣ въ жалкомъ положеніи изъ-за тѣхъ условій, въ какія поставлены колонисты. Всего хлѣба, обращающагося въ сибирь

* Амуръ 1860 г. № 17.

ской торговлѣ, по вычисленію Гагемейстера, болѣе 21,000,000 пудовъ, кромѣ хранящагося въ запасныхъ магазинахъ. Развитію хлѣбопашества и хлѣбной торговли въ Сибири мѣшаетъ много недостатокъ рабочихъ рукъ. Этотъ недостатокъ особенно сдѣлался ошутителенъ съ развитіемъ золотопромышленности. При началѣ ея считалось въ томской и енисейской губерніяхъ и въ нижнеудинскомъ округѣ иркутской губерніи мужскаго населенія 269 тысячъ, изъ нихъ треть, т. е. 87 тысячъ человекъ, — работниковъ. На золотыхъ же приискахъ находилось съ первыхъ лѣтъ открытія ихъ до 40,000 человекъ, т. е. около половины всего рабочаго населенія восточной Сибири. Цѣны на хлѣбъ страшно поднялись: въ Красноярскѣ въ два года пудъ ржаной муки возвысился въ цѣнѣ отъ 18—25 коп. до 5 руб. Многие, застѣвавшіе прежде до 5 десятинъ ржи, не имѣли уже теперь надобности застѣвать такое пространство. Если нужда въ деньгахъ заставляла ихъ продавать прежде 200 п. муки, то эти же деньги теперь можно было получить за 8 пудовъ. Въ Иркутскомъ округѣ сбытъ муки (300—800 т. п.) на прииски въ 1845—1847 г. имѣлъ тѣ послѣдствія, что цѣна на нее поднялась почти въ десятеро, а застѣвы уменьшились. *

Кромѣ препятствій къ развитію хлѣбопашества и хлѣбной торговли, препятствій, происходящихъ отъ малонаселенности Сибири, — эту торговлю задерживаютъ и нѣкоторыя административныя мѣры. Казна заботится объ обезпеченіи продовольствіемъ войскъ, винокуренныхъ и горныхъ заводовъ, а также — инородцевъ и жителей безпащеныхъ городовъ, для чего учреждены въ Сибири казенные хлѣбные магазины, кромѣ запасныхъ сельскихъ. Распоряженіе ассигнованнымъ на эти капиталомъ ввѣрено губернаторамъ. Это приводитъ вотъ къ какимъ, напр., результатамъ. Иркутскій губернаторъ Трескинъ, бывший передъ Сперанскимъ, поставилъ себѣ цѣлю — какъ можно возвысить цифру капитала, состоящаго изъ 200,000 р. Посредствомъ довѣренныхъ чиновниковъ, преимущественно исправниковъ, онъ скупалъ огромное количество хлѣба у крестьянъ, по возможно дешевымъ цѣнамъ, до начала другихъ казенныхъ закупокъ. Съ наступленіемъ ихъ, цѣны на хлѣбъ необыкновенно возвышались, часто и по высокимъ цѣнамъ нельзя было достать хлѣба. Тогда Трескинъ продавалъ закупленный имъ хлѣбъ въ казенныя

* Амуръ 1861 г., № 48, 49.

мѣста по возвышенной цѣнѣ. Запасы хлѣба у крестьянъ были истощены; какъ торговцы такъ и потребители принуждены были покупать хлѣбъ изъ казны по цѣнамъ, неизмовѣрно высокимъ. Трескинъ достигъ своей цѣли: въ нѣсколько лѣтъ капиталъ удвоился; запасные магазины были набиты хлѣбомъ,—за то подавлена частная торговля. Эту торговлю убивала, кромѣ того, и самая система закупки хлѣба въ казну. Обязанные купить опредѣленное количество хлѣба, по опредѣленной цѣнѣ, чиновники—закупатели препятствовали всѣми силами частнымъ закупкамъ, преслѣдовали частныхъ торговцевъ, запрещали крестьянамъ продавать имъ хлѣбъ до окончанія казенной закупки.—Хлѣбная торговля не могла развиваться, цѣны ужасно возвысились, особенно въ отдаленныхъ, безпашенныхъ мѣстахъ. Здѣсь чиновники торговали хлѣбомъ сами, отстраняя всѣми силами частныхъ торговцевъ. Въѣздъ въ стойбища инородцевъ имъ былъ запрещенъ вовсе, или стѣсненъ выдачей билетовъ.

Въ послѣднее время вредно подѣйствовали на хлѣбопашество Восточной Сибири обращеніе забайкальскихъ крестьянъ въ казаки и колонизація Амура. Въ 1851 году 30,000 забайкальскихъ крестьянъ горнаго вѣдомства были обращены въ казаки. Разнообразныя служебныя занятія препятствуютъ казакамъ усиленно вести свое хозяйство. Кромѣ своднаго батальона, составляемаго пѣшими казаками для карауловъ при заводахъ и рудникахъ, еще большее число идетъ на службу при штабахъ, а въ первые годы, кромѣ того, казаковъ отправляли еще въ образцовый полкъ. Хотя срокъ службы полагается годовой, однако, принявъ въ расчетъ заблаговременные сборы изъ дальнихъ мѣстъ на назначенные пункты и лѣтніе сборы на ученіе, увидимъ, что отлучка изъ дома продолжается гораздо болѣе года. Кромѣ того существуютъ еще разные мелкіе наряды, напр. въ швальни. А тутъ, съ начала амурской колонизаціи, пошли разныя экстренныя командировки, постройки, сплавы и наконецъ переселенія на Амуръ. Первымъ отягощеніемъ были штабныя постройки. Ихъ предполагалось кончать *въ три года*. Бревно, за которое казна платила 15 коп. сер., обходилось казакамъ въ 1 р. 50 к. и дороже. За работу плата была самая ничтожная, за многочисленныя передѣлки ничего не платили. Многіе казаки нанимали вмѣсто себя работниковъ на

* Амуръ 1860 г. № 23.

казенные сплавы, и отдавая имъ все, что получали отъ казны, приплачивали еще рублей по 40 съ человѣка. Чтобы добыть казенныхъ работниковъ на сплавъ, казна прибѣгала къ разнымъ средствамъ. Такъ въ 1857 году взяли во вниманіе недоимки, происшедшія вовсе не отъ вины казаковъ, а отъ собственнаго недоразумѣнія начальства, не знавшаго какъ истолковать двухлѣтнюю льготу отъ повинностей выселеннымъ изъ Читы казакамъ, и включить-ли въ нее денежный сборъ, установленный въ 1851. Вдругъ въ 1857 году велѣно было не считать его включеннымъ въ льготу, и потребовали сверхъ текущихъ повинностей еще за два прежнихъ года *. Въ казачьемъ отрядѣ, бывшемъ на сплавѣ въ 1858 г. смертность была значительная,—а все это лучшіе работники и хлѣбопашцы. Въ 1857 — 1858 г. многіе казаки проводили по девяти мѣсяцевъ на казенныхъ работахъ. Когда началось заселеніе Амура и между казаками не нашлось добровольныхъ переселенцевъ, то стали переселять казаковъ по выбору и жребію; а это, какъ само-собою понятно, не могло не отозваться на хозяйствѣ самымъ вреднымъ образомъ. Непостоянство дѣйствій мѣстной администраціи также разстроивало хозяйство. Такъ объявлено было, что на Амуръ будетъ переселена цѣлая бригада, и 3.500 семействъ, опредѣленныхъ къ выселенію, бросили свое хозяйство. Между тѣмъ переселеніе не состоялось по неопредѣленности будто-бы отношеній къ Китаю, и *къ августу* начальство разослало назначеннымъ къ переселенію приказы оставаться на мѣстахъ и *заниматься хозяйствомъ!* Всѣ эти обстоятельства отразились на всемъ краѣ уменьшеніемъ нѣсколькихъ тысячъ десятинъ пашни, а между тѣмъ на хлѣбъ Забайкалья поступили, кромѣ горнаго и казачьяго вѣдомства, морское вѣдомства, четыре линейныхъ батальона, амурскіе переселенцы и всѣ жители Приамурья. Слѣдствіемъ этого было страшное возвышеніе цѣнъ на хлѣбъ. Въ 1857 г. въ Читѣ пудъ муки, стоившій въ началѣ іюня 20 коп., зимою дошелъ до 90 к., переходилъ даже за 1 р. сер., а далѣе, за Читой и достать было нельзя; начальству постоянно доставлялись изъ разныхъ мѣстъ образцы хлѣба, которымъ принуждены были питаться люди, состоящаго на большую половину изъ лебеды **. Отъ оковча-

* Вѣстн. промышленности 1859 г. кн. X, стр. 55.

** Вѣстн. пром. кн. X стр. 57,

тельного голода спасли Забайкалье слѣдующіе необыкновенно урожайные годы.

Горный промыселъ составляетъ одну изъ первыхъ статей сибирской промышленности, по цѣнности добываемыхъ металловъ. Хотя минеральныя богатства Сибири развѣданы только отчасти, однако золота на частныхъ промыслахъ добывается ежегодно около 1,500 пуд. на алтайскихъ и нерчинскихъ казенныхъ заводахъ болѣе 100 пудовъ, кромѣ того на послѣднихъ добыто въ 1859 году серебра 1,240 п. 39 ф.; мѣди 31,386 п., свинца 53,322 п., чугуна 167,363 п., желѣза 76,209 п. *. По словамъ Гагемейстера, чистаго барыша отъ этихъ заводовъ получено съ 1830 по 1852 г. 25,736,791 р. сер. Всего же въ Сибири въ 1846—1851 г. добыто золота 6,272 п. съ лишнимъ. Кромѣ изчисленныхъ металловъ, въ Сибири много еще другихъ, совершенно не разрабатываемыхъ рудъ—слюды, мрамора, колчедана, сурьки, каменнаго угля, киновари и проч. Но распространяясь о нихъ мы не будемъ, потому что разработка ихъ пока крайне незначительна. Вотъ соляной промыселъ имѣетъ порядочные размѣры; въ 1859 г. добыто въ Сибири соли 1,989,016 пудовъ. Горный промыселъ, кромѣ доставки драгоценныхъ и полезныхъ минераловъ, еще имѣетъ и ту выгоду, что поддерживаетъ и развиваетъ уральскіе желѣзодѣлательные заводы, такъ какъ количество желѣза требуемаго съ этихъ заводовъ на пріиски желѣза довольно значительно. Успѣхъ торговли особенно фабричными, мануфактурными произведеніями также тѣсно связанъ съ развитіемъ золотопромышленности, самымъ нагляднымъ доказательствомъ тому служить Ирбитская ярмарка, обороты которой возвысились съ открытіемъ золотыхъ промысловъ, отъ 12 до 36 мил. руб. сер. На развитіе земледѣлія золотопромышленность не оказываетъ пока того благодѣтельнаго вліянія, какого бы можно ожидать при огромномъ сбытѣ хлѣба на золотые промыслы. При малонаселенности Сибири, золотые промыслы имѣютъ еще долю вреднаго вліянія на благосостояніе страны, привлекая къ себѣ хлѣбопашцевъ и другихъ работниковъ, и тѣмъ возвышая цѣны на насущныя потребности.

Развитію горнаго промысла вообще и особенно золотопромышленности мѣшаетъ много неблагоприятныхъ обстоятельствъ.

* Календарь на 1862 г., стр. 110.

Главное препятствіе—недостатокъ и, слѣдовательно, дороговизна рабочихъ рукъ. Кромѣ того, наемъ на пріиски стѣсненъ многими формальностями, особенно по паспортной системѣ. Нынѣшнія отношенія рабочихъ къ золотопромышленникамъ и властямъ, дурное содержаніе и обращеніе—имѣютъ слѣдствіемъ то, что работа на пріискахъ не управляетъ хозяйства рабочаго. Вся почти заработка идетъ къ золотопромышленнику или за страшно-дорогой товаръ, покупаемый на пріискахъ, или за зелено-вино, такъ какъ золотопромышленникъ большею частію и откупщикъ. Томившійся цѣлое лѣто подъ игомъ работы и хозяйскаго деспотизма работникъ, вырвавшись съ пріисковъ, спускаетъ всѣ деньги на водку, безшабашныя пирушки и ни копѣйки не приноситъ домой, да кромѣ того—оставаясь должникомъ хозяина, онъ принужденъ на слѣдующее лѣто идти къ нему въ работу. Улучшенію быта рабочихъ и болѣе разумному и гуманному устройству отношеній между ними и хозяевами много способствовало бы учрежденіе артелей рабочихъ. Артель должна завѣдывать своимъ хозяйствомъ, ея голосъ долженъ быть уважаемъ въ разборѣ тяжбъ промышленниковъ съ рабочими. Кромѣ того, должно необходимо допустить вольныхъ торговцевъ на пріиски, а не поставлять рабочихъ въ необходимость покупать все у хозяина, по цѣнамъ, какія ему назначить заблагоразсудится.

Права на золотопромышленность необходимо значительно расширить, предоставивъ ихъ всякому, не лишенному по суду правъ состоянія. Нужно избавить дворянъ, вступающихъ участниками въ золотопромышленную компанію, отъ записыванья на каждый годъ въ первую или вторую гильдію. Нужно измѣнить стѣснительныя узаконенія о заявкѣ и закрѣпленіи пріисковъ. Существующая и существовавшая прежде пошлина на золото—стѣснительна. До 1840 г. взималось по 15% съ добытаго золота. Въ 1840 г. она увеличилась съ вновь заявленныхъ пріисковъ до 30%, а со старыхъ осталась по прежнему въ 15%. Въ 1840 г. установлена прогрессивная подать отъ 5 до 35%, а съ прибавкою горной подати дошла до 40%. Съ увеличеніемъ подати количество добываемаго золота начало уменьшаться. Въ 1848 г. добыто было 1,284 п., а съ введеніемъ прогрессивной подати въ 1849 г., было добыто 1,184 п., въ 1850 году—1,010 п., въ 1852 г.—900 п. Съ пониженіемъ подати въ 1854 г. количество добытаго золота возвысилось. Въ настоящее время эта подать существуетъ въ такихъ размѣрахъ:

отъ 1 золотника до 2 пудовъ взимается 5%, отъ 2 до 5 пуд. съ первыхъ двухъ пудовъ 5%, а свыше 2 п.—10%, за количество свыше 5 пудовъ—по 15%. Кроме того взимается еще горная подать отъ 4 до 8 р. съ фунта. Промышленники обязаны доставлять золото въ алтайское горное правленіе, сплавить его тамъ и перевезти въ петербургскій монетный дворъ; это стоитъ до 100 р. сер. съ пуда. На собраніи золотопромышленниковъ, бывшемъ въ Иркутскѣ 20 мая 1861 г. высказано общее ихъ желаніе, чтобы размѣръ существующей нынѣ прогрессивной подати ни въ какомъ случаѣ не превышалъ 5%, и чтобы опредѣлено было *minimum* добычи (напр. 5 пуд.), съ котораго бы никакой подати не взималось*.

Торговля пушнымъ товаромъ весьма развита въ Сибири съ давнихъ поръ. Нѣтъ спора, что количество добываемаго звѣря постоянно уменьшается, однакожъ звѣриный промыселъ надолго еще сохранится въ Сибири, особенно въ сѣверной полосѣ ея, куда звѣрь удаляется изъ южныхъ и среднихъ заселенныхъ мѣстъ. Въ Сибири добываются соболь и куница, бѣлка, бобръ, лисица, песецъ, горностай, колонокъ, бурундукъ, рысь, медвѣдь, волкъ, лось, изюбрь, козуля, кабарга, рассомаха, кабанъ, заяцъ, тигръ и проч. На ирбитскую ярмарку въ концѣ сороковыхъ и началѣ пятидесятихъ годовъ доставлялось соболей, бѣлки, лисицъ, волковъ и зайцовъ на 1,695,000 р., въ 1856 г. привезено на 3,650,000 р. сер., продано на 3,635,000 р. На Нижегородскую ярмарку привезено въ 1835 г. пушнины на 6,089,090 р. ас., въ 1845 г. на 2,286,074 р. сер., въ 1852 г. на 3,850,960 р. сер. Въ Китай отправлено въ 1840 году на 1,951,771 р. сер., въ 1847 г. на 840,744 р. сер., въ 1849 г. на 378,493 р., въ 1852 г. на 552,222 р. сер.

За пушнымъ товаромъ слѣдуетъ торговля скотомъ, кожами, саломъ, масломъ; нѣкоторыя изъ этихъ произведеній идутъ даже за европейскую границу Россіи: масло съ Ишимской ярмарки въ количествѣ около 20,000 пудовъ идетъ черезъ Таганрогъ въ Константинополь, а тюменская юфть идетъ въ Коксень. Въ Китай отпускается ежегодно на 1½ мил. р. сер. забайкальской мерлушки; юфти, козловъ, сафьяновъ и барановъ отпущено въ 1847—1849 г. на 350,000-р., Тобольская губернія торгуетъ съ Россіей, жирнымъ товаромъ; въ Иркутскѣ изъ

* Амуръ 1861 г. № 45.

Западной Сибири влетъ коровье масло и сало, въ Кяхту воловьи шкуры на обшивку чайныхъ мѣстъ; на заводы и золотые прииски—лошади и мясо. Вообще, Сибирь чуть-ли не богаче скотомъ, сравнительно съ народонаселеніемъ, всѣхъ государствъ. На 100 жителей приходится всего скота:

Въ Сибири	258 гол.
» Великобританіи	210 »
» Франціи	149 »
» Россіи	153 * »

Рыбные промыслы въ Сибири весьма богаты и выгодны по обилію рыбы; въ пѣкоторыхъ рѣкахъ, напр. въ Чулымѣ, дно рѣки на всемъ пространствѣ, какое можно окинуть глазомъ, вымощено хребтами рыбы, остановленной на своемъ пути естественной плотиной изъ бурелома. Ежегодный уловъ омулей въ Забайкальской области простирается до 13,000,000 штукъ; Байкаль доставляетъ рыбы на 200 тыс. руб. сер.; тайменей, щукъ, налимовъ и ленковъ поступаетъ въ продажу изъ рѣкъ, впадающихъ въ Байкаль до 2,500 пудовъ; низовья Оби доставляютъ до 100 тыс. пуд., верховья Иртыша и озера Норъ Зайсанъ—10 тыс. пуд., оз. Чаны—150 тыс. п., низовья Енисей 50 тыс. п. О рыбной производительности Лены съ ея притоками, Амура, Охотскаго моря мы не имѣемъ достаточныхъ цифръ.

Не желая утомлять вниманія читателя длиннымъ рядомъ цифръ, мы ничего не говоримъ о торговлѣ лѣсомъ, кедровыми орѣхами, пухомъ, медомъ, воскомъ, желѣзомъ, не говоримъ объ извозничествѣ, судоходствѣ, работѣ на приискахъ, пароходствѣ по Томи, Оби, Байкалу, Амуру; не говоримъ о числѣ торговыхъ лавокъ и незначительныхъ ярмарокъ. Изъ послѣднихъ укажемъ только на Ишимскую, дѣлающую обороты въ 2½ мил. руб. сер. и ирбитскую, въ 36,000,000 руб. сер. Представимъ еще примѣрно вычисленную сумму вывоза сибирскихъ произведеній за границу, — простирающуюся до 28,000,000 р. сер. и цифры государственныхъ доходовъ и расходовъ по Сибири **. По штатамъ 6 декабря 1856 г. на содержаніе гражданскаго управленія въ Сибири положено 1,269,676 р. сер., 800 тыс. изъ этой суммы ассигнуется изъ государственнаго банка, остальные 460 тыс. берутся изъ разныхъ мѣстныхъ источниковъ.

* Статистическія таблицы, Тройницкаго, стр. 285.

** Гагемейстеръ представляетъ такое, не совсѣмъ вѣрное теперь, вычисленіе:

На содержаніе войска, учебнаго, духовнаго и строительнаго вѣдомствъ идетъ около 1½ мил. руб. сер. Но одна подать съ крестьянъ превышаетъ 2 мил. р. сер., винная регалія достигла въ последнее время до 4,000,000 р. сер., кромѣ того не нужно забывать огромные доходы отъ сбора ясака, пошлинъ таможенныхъ, гильдейскихъ, доходъ съ кабинетскихъ рудниковъ и пошлинъ съ золота.

Такимъ образомъ мы видимъ, что Сибирь и при теперешней малочисленности населенія существуетъ не только само-собою, но и удѣляется Россіи огромныя богатства, въ видѣ золота, серебра, ясачныхъ мѣховъ. При постепенномъ возрастаніи населенія, развитіе ея промышленности и торговли несомнѣнно, какъ несомнѣнно ея самостоятельное существованіе. Нельзя напередъ предугадывать какое направленіе приметъ сибирская промышленность, можно только сказать навѣрное, что горное дѣло, хлѣбопашество, скотоводство, звѣроловство, рыболовство и при другой, фабричной промышленности, будутъ развиваться и торговля продуктами этихъ промысловъ приметъ обширные размѣры. Обиліе производительныхъ силъ Сибири несомнѣнно; для разработки и употребленія ихъ въ пользу страны недостаетъ рабочихъ рукъ, населенія, мѣшаетъ много стѣснительныхъ условій. Вслѣдствіе этихъ-то условій, мы видимъ въ Сибири цѣлыя обнищавшія племена, вымирающія отъ голода и убійственной обстановки нищенской жизни. Мы говоримъ о сибирскихъ инородцахъ.

Въ Россію:

Золота (казенныхъ заводовъ)	106 п.	на	1,400,000 р. сер.
— съ частныхъ	950 —	—	13.000,000 —
Серебра	1,050 —	—	955,000 —
Мѣди	20,000 —	—	160,000 —
Сала	200,000 —	—	600,000 —
Кожъ	20,000 —	—	80,000 —
Масла коровьяго	10,000 —	—	40,000 —
Рухляди			1.500,000 —
Меду и воска			150,000 —

Въ Китай:

Мерлушекъ	1,500,000 —
Рухляди	350,000 —
Хлѣба и скота	50,000 —
Кожъ	350,000 —

Въ Киргизскую степь и Среднюю Азію:

Хлѣба на 160,000 р. сер.
 Кожа — 200,000 —
 Пушныхъ товаровъ — 400,000 —

Итого на 19,335.500 р. сер.

Но г. Гагемейстеръ составлялъ свое вычисленіе въ 1854 г. Нынѣ вывозится изъ Сибири золота съ частныхъ приисковъ:

1,500 пуд. на 18,000.000 р. сер.
 Пушнины — 3,850,000 —
 Масла больше 20,000 пудовъ.

Принимая во вниманіе расчеты Гагемейстера по другимъ статьямъ торговли, сумма вывоза возвышается до 28,000,000 р. сер.

III.

Туземцы Сибири принадлежатъ къ двумъ племенамъ—тюркомонгольскому и финскому. Тѣ и другіе, при нашествіи русскихъ, вели жизнь патріархальную, кочевую, главными занятіями ихъ были звѣроловство, скотоводство, а частію и хлѣбопашество. Въ гражданскомъ отношеніи они дѣлились на роды, управляемые выборными начальниками. Такъ табаринскіе татары имѣли своихъ князьковъ, избираемыхъ народомъ. * «Остяки прежде владѣнія російскаго никакихъ князей не имѣли, а имѣли *большихъ людей*; судъ имѣли отъ того большаго человека и по винѣ наказаніе съ совѣта другихъ людей. ** Въ числѣ этихъ выборныхъ *большихъ людей* мы встрѣчаемъ у многихъ сибирскихъ инородцевъ, ихъ народныхъ жрецовъ—шамановъ. Такъ у кочевавшихъ на р. Зеѣ тунгусовъ лагирскаго рода *лучшимъ человекомъ* былъ шаманъ Гаргани, у тунгусовъ улагарскаго рода — шаманъ Едгина *** Да и вообще прежніе сибирскіе шаманы были не только жрецами, но и политическими дѣятелями, ревнителями и передовыми защитниками своихъ народныхъ интересовъ. Общая всѣмъ сибирскимъ инородцамъ легенда говоритъ, что шаманы предсказали завоеваніе Сибири русскими и уговорили своихъ соотечественниковъ живыми закапываться въ землю, чтобы избавиться отъ русскаго ига. Въ 1607 г. взбунтовались березовскіе остяки и самоѣды, хотѣли разрушить Березовъ и перебить русскихъ. Между главными зачинщиками *бунта* были два шамана и шаманка ****

* Сиб. Исторія Миллера, ч. II, стр. 23, въ Ежем. Сочин, 1764 г.

** «Татищевъ и его время», Попова; прилож. стр. 512.

*** Наказъ Пояркову, въ Чт. Об. Ист. и Др. 1861 г. кн. I.

**** Сиб. Истор. Миллера, ч. II, стр. 123.

Многія сибирскія племена находились въ подданствѣ и платили дань другимъ, болѣе сильнымъ, завоевавшимъ ихъ племенамъ. Это подданство, на сколько мы можемъ судить по дошедшимъ до насъ извѣстіямъ, не было тягостно. Такъ, хотя нѣкоторыя татарскія племена находились въ зависимости отъ *черныхъ калмакъ* и управлялись посланнымъ отъ нихъ княземъ, но вмѣстѣ съ нимъ принимали участіе въ правленіи народныя старшины и «старые люди.» * Были, правда, случаи, что дачники терпѣли угнетенія отъ своихъ властителей, что послѣдніе разоряли ихъ, но все-таки сибирскіе туземцы хотѣли лучше быть подъ владычествомъ какихъ-нибудь татаръ, нежели русскихъ, и въ смутное время дѣятельно хлопотали о возстановленіи Кучумова царства. Сибирская исторія постоянно говоритъ о бунтахъ остяковъ, самоѣдовъ, вогуличей, татаръ, бурятовъ, тунгусовъ и другихъ инородцевъ. Постоянно замышляли они разорить русскія поселенія, свергнуть съ себя чуждое иго и продолжать свою прежнюю жизнь, естественный ходъ которой былъ нарушенъ приходомъ непрощенныхъ гостей. Туземцы, входившіе до русскаго завоеванія въ составъ Кучумова царства долго не покидали мысли о возстановленіи его и группировались около потомковъ Кучума. Сыновья этого царя были самыми сильными и опасными врагами русскихъ въ западной Сибири. Они кочевали въ обширной степи въ верховьяхъ Ишима, Иртыша и Тобола, а иногда доходили до Яика и до Уфимскаго уѣзда. Одинъ изъ нихъ, Алей, грозилъ тобольскому, тюринскому и тюменскому уѣздамъ; три брата его въ 1607 г. со множествомъ калмыковъ напали на тюменскій уѣздъ и разграбили *Кымырскій городокъ* ** Даже люди, пользовавшіеся особенною милостью русскихъ, при удобномъ случаѣ возставали противъ нихъ и становились во главѣ бунтовщиковъ. Такъ родъ остяцкаго князя Игичея былъ взысканъ особенною царскою милостью: онъ и жена его имѣли право сами судить своихъ подданныхъ и собирать съ нихъ на себя ясакъ. Въ 1609 г. вдова князя Игичея, въ крещеніи названная Анною, поѣхала въ сургутскій уѣздъ будто бы для собранія ясака съ своихъ подданныхъ. На обратномъ пути, при устьѣ Иртыша она присут-

* Татищевъ и его время; приложенія, стр. 872.

** Сиб. Ист. ч. II стр. 108—117.

ствовала на совѣтъ замышлявшихъ общій бунтъ остяковъ, и взяла на себя взбунтовать березовскихъ остяковъ и вогуличей. Это дѣлалось какъ и всегда въ подобныхъ случаяхъ — посредствомъ стрѣлы, на которой были вырѣзаны шайтаны, а копыце было тупое. Такая стрѣла пересылалась изъ жилища въ жилище, и каждый понималъ ея значеніе, * Кромѣ такихъ бунтовъ, туземцы истребили русскимъ, убивая ихъ ясашныхъ сборщиковъ и другихъ служивыхъ людей, ходившихъ въ одиночку по ихъ улусамъ. Иногда же составлялись цѣлыя компаніи, имѣвшія цѣлью избиеніе русскихъ при всякомъ удобномъ случаѣ. Такъ напр. въ 1616 г. сургутскіе остяки, составили шайку въ 30 человекъ и убивали проѣзжихъ русскихъ. ** Этотъ антагонизмъ къ русскимъ живетъ еще доселѣ въ душахъ инородцевъ, еще до сихъ поръ камчадалы молятъ своихъ боговъ объ избавленіи отъ русскихъ казаковъ и чиновниковъ, а буряты называютъ русскихъ *манутами*, — кровожадными чудовищами, играющими важную роль въ ихъ сказкахъ. Этотъ антагонизмъ особенно направленъ противъ служилаго сословія; съ русскими поселенцами, не имѣющими власти и привилегій чиновниковъ, туземцы живутъ мирно и довольно дружно. Такъ напр. когда киргизскія степи были заняты казаками, то киргизы смотрѣли враждебно на эти поселенія и между ними и казаками не было никакого сближенія. Съ возникновеніемъ же русскихъ поселеній, состоящихъ изъ крестьянъ и осѣдлыхъ казаковъ, эти отношенія измѣнились на болѣе хорошія. ***

Исторія сибирскихъ инородцевъ подъ властію русскихъ вполне выясняетъ причины этого антагонизма. Покоренные «подъ высокую руку государеву», инородцы должны были платить ясаки и десятинную пошлину со своихъ промысловъ. Для этого переписывались какъ самые инородцы, такъ ихъ «бортные ухожен, бобровые гоны и т. п. **** Но въ сборѣ ясака и десятинной пошлины не было ни какого порядка; самое количество ясака не было опредѣлено: въ одномъ мѣстѣ брали по 1 соболю съ человека, въ другомъ по 10, даже по 12 соболей. Одни и тѣ же инородцы принуждены были, по прихоти правителей, увеличивать количество своего ясака. Такъ сывинскіе татары при ца-

* Ibid. ч. I, стр. 199, ч. II, стр. 123.

** Ibid. ч. II, стр. 133.

*** Акты. Арх. Эксп. т. III, № 42.

**** Протоколы Политико-Экон. Комит. Засѣданіе 22 марта 1861 г. стр. 14.

рѣ Иванъ Васильевичѣ платили по 4 сорочка кунницъ, при Ое-
дорѣ Ивановичѣ по 5 сорочковъ: а при Годуновѣ—по 11, «не
по ихъ силѣ, и не по изможенію, и съ великою нужею». *
Сплошь да рядомъ случалось, что инородцы платили двойной
ясакъ, сборщикамъ двухъ различныхъ городовъ. Такъ въ 1605
г. казаки изъ кетскаго острога взяли ясакъ съ жившихъ на р.
Сымѣ остяковъ; вскорѣ пришли на Сымъ казаки мангазейскіе
и вытребовали ясакъ съ тѣхъ же остяковъ ** Въ подчиненіи
инородцевъ вѣдомству различныхъ городовъ было также весьма
мало порядка; часто ихъ приписывали къ дальнѣйшему городу,
между тѣмъ какъ вплоть у ихъ жилищъ стоялъ тоже городъ.
Правда, за ясакомъ казаки приходили большею частью сами,
но назадъ въ городъ инородцы должны были отвозить ихъ на
своихъ подводахъ, а городъ отстоялъ иногда отъ стойбищъ
инородческихъ на два мѣсяца пути *** Сборъ ясака и пошлинъ
сопровождался обыкновенно ужасными злоупотребленіями; «стрѣль-
цы и казаки, собирая государевъ ясакъ и десятую пошлину, чи-
нили инородцамъ насильство и обиду великую, сверхъ ясаку
имали себѣ насильствомъ рублей по 40 и велѣли на себя меды
ставить и на воеводѣ правили поминки великіе»... Инородцы
«стали въ великой продажѣ, и жены и дѣти свои позакладывали.»
Кромѣ сборщиковъ, туземцовъ разоряли и простые казаки, во
время своихъ разъѣздовъ по дѣламъ службы или для торговли
съ инородцами. Однажды, напр., казакъ Михайло Шоринъ при-
шолъ къ Котовскому князьку Темсенеку для покупки соболей,
но Темсенекъ не имѣлъ продажныхъ, — и Шоринъ возвратился
ни съ чѣмъ. Черезъ два мѣсяца атаманъ Галкинъ вмѣстѣ съ
Шоринымъ и другими казаками напалъ ночью на стойбище
Темсенека, убилъ двадцать человѣкъ, разграбилъ юрты и взялъ
много плѣнниковъ, преимущественно женщинъ и дѣтей. Между
прочимъ пропало 200 соболей, назначенныхъ въ ясакъ **** Вотъ
другой изъ многихъ подобныхъ случаевъ: въ сентябрѣ 1681 года
пятидесятникъ якутскаго острога Данила Михайловъ послалъ на
тунгусовъ тридцать человѣкъ подъ начальствомъ толмача Копы-
лова. Толмачъ разгромилъ и ограбилъ тунгусовъ: одного убилъ,

* А. А. Э. т. III, № 118.

** Сиб. Исторія Миллера, ч. II, стр. 38, 39.

*** Ibid.

**** Миллеръ. ч. II, стр. 306.

а женъ и дѣтей взялъ въ плѣнъ и, какъ всегда дѣлалось въ этихъ случаяхъ, требовалъ за нихъ выкупа. * Служилые люди, разъѣзжая по инородческимъ стойбищамъ, «имали» съ туземцевъ подводы подъ «свои товары, чѣмъ они на себя торгуютъ, суды игребцовъ», или взыскивали съ нихъ за это деньгами, «рублевъ по 30, но 40 и больше». ** Когда же ѣхали воеводы и головы, то «ясашныхъ людей пытками пытали и поминки съ нихъ великіе имали, и ихъ грабили, лисицы, собаки, и жиръ, чѣмъ они сыты бываютъ, имали насильствомъ. *** Случалось, что осѣдлыхъ инородцевъ сгоняли «съ ихъ старыхъ, исконивѣчныхъ вотчинъ. отнимали ихъ медвяные ухожеи, и бобровые гоны, и звѣриныя и рыбныя ловли» **** Заманивали инородцевъ въ города и здѣсь грабили, даже убивали ихъ, а чаще брали въ плѣнъ и дѣлали рабами. Сибирская исторія представляетъ много примѣровъ обращенія инородцевъ въ рабство. Плѣнныхъ рабовъ рускіе продавали, закладывали, а когда считали пужнымъ, то убивали. Женщины и дѣвушки, взятыя въ плѣнъ, обращались въ наложницъ, которыхъ у казаковъ было по нѣскольку у каждаго; эти наложницы также продавались и закладывались рублехъ въ 10—20 ***** По малѣйшему неудовольствію на инородца, начальники забирали его, били нещадно кнутемъ и батогами, а виновныхъ въ заговорахъ и бунтахъ казнили и вѣсили. Наказывали даже шамановъ за ихъ ворожбу и приношеніе жертвы духамъ!

Не одинъ ясакъ и десятинная пошлина были наложены на инородцевъ,—они должны были отбывать еще и другія казенныя повинности. Первая, и чуть-ли не самая тяжкая, была ямская гоньба. Въ Сибирь и обратно ѣздили постоянно казаки, стрѣльцы, воеводы и другіе служилые люди; въ Сибирь доставлялись огромные обозы хлѣба, пороха, свинца, оружія, церковной утвари, — а изъ Сибири шли обозы съ царскою казною. Жившіе при дорогѣ инородцы обязаны были давать подъ все это подводы и подвергались новымъ притѣсненіямъ и поборамъ отъ проѣзжавшихъ. Эта гоньба окончательно разоряла туземцовъ. Вмѣстѣ съ нею инородцы обязаны были пахать казенныя пашни; табаринскіе татары, напр., числомъ 60 человекъ, обя-

* Чтен. Об. Ист. и Др. Р. 1861 г. кн. I.

** А. А. Э. т. III, № 42.

*** Миллеръ, ч. I, стр. 326.

**** А. А. Э. т. III, № 118.

***** Миллеръ, ч. II, стр. 412.

заны были засѣвать въ пользу казны сперва 138 четвертей всякаго хлѣба, а потомъ, вслѣдствіе просьбы ихъ объ облегченіи, 120 четвертей. *. При этихъ повинностяхъ, инородцы не имѣли желѣзныхъ орудій, необходимыхъ какъ для собственнаго своего употребленія, такъ и для производства казенныхъ работъ. Топоры, ножи и другія желѣзныя орудія долгое время было запрещено продавать инородцамъ.

Наконецъ инородцы были обязаны рубить и сплавлять лѣсъ на вновь строившіеся города, ставить городскія стѣны, башни, обывательскіе дома, церкви, иногда — прорубать лѣсъ и прочищать дороги. Всѣ эти повинности, поборы и притѣсненія разоряли инородцевъ, повергали ихъ въ крайнюю бѣдность. Лучшимъ средствомъ къ поддержанію ихъ существованія могла служить торговля съ русскими купцами, но она была ограничена крайне стѣснительными узаконеніями. Торговля въ ясашныхъ волостяхъ была запрещена, инородцы должны были приходить въ городъ и здѣсь продавать свои товары на гостиномъ дворѣ, при чемъ взимались съ нихъ пошлины. Кромѣ того, когда разрѣшенъ былъ купцамъ въѣздъ въ инородческія стойбища, то имъ дозволено было торговать только однажды въ годъ, послѣ сбора ясака. Это узаконеніе, какъ увидимъ ниже, имѣетъ силу до настоящаго времени.

Нестерпимо было положеніе инородцевъ, — и вотъ инородческіе бунты идутъ черезъ всю сибирскую исторію, Но сила и военное искусство были на сторонѣ русскихъ, — инородцы усмирены и имъ осталось одно — постепенно вымирая, доживать свою печальную жизнь. Вслѣдъ за покореніемъ и разореніемъ русскими между инородцами появились страшныя эпидемическія болѣзни, слѣдствіе ихъ нищенской жизни, въ холодѣ, голодѣ и грязи. Больше всего туземцы страдали отъ оспы; въ первой разъ она появилась въ Сибири въ 1630 г., затѣмъ снова въ 1652, 1664, 1681, 1691, 1695 годахъ. Въ 1691 г. она распространилась отъ Якутска до Колымы, а въ 1714 г. — до Анадыра. Остяки, самоѣды, якуты, тунгусы гибли отъ оспы тысячами, оставшіеся въ живыхъ, разбѣгались по лѣсамъ, оставивъ и своихъ больныхъ родственниковъ и всѣ пожитки **. Позднѣе являются другія болѣзни, — цынга и сифилисъ, отъ которыхъ, уже въ настоящемъ

* Миллеръ, Ч. II, стр. 21.

** Чтен. Об. И. и Д. Р. 1861 г. кн. I. — Миллеръ, ч. II, стр. 520.

стодѣтии страшно гибли остяки и самоѣды, о чемъ любопытные могутъ прочесть въ книгѣ Бѣлявскаго—*Повѣдка къ Ледовитому морю*. Даже въ настоящее время болѣзни истребляютъ значительное число сибирскихъ инородцевъ. Туруханскій край вотъ уже болѣе двадцати-пяти лѣтъ сряду подвергается тифозной горячкѣ, оспѣ и цынгѣ. Населеніе болѣе и болѣе уменьшается; въ-которые роды почти совсѣмъ вымерли. Болѣзни эти не только уменьшаютъ населеніе, но и разоряютъ жителей, останавливая ихъ обычные промыслы. *

Введеніе православія идетъ не успѣшно и не всегда оказываетъ благотворное вліяніе, состояніе сибирскихъ туземцовъ. Финскія племена, особенно остяки, крѣпко стоятъ за свое шаманство и креститься въ православную вѣру въ ихъ глазахъ, тоже, что сдѣлаться русскимъ. Но послѣднее для нихъ до того неприятно, что они скорѣе обращаются въ исламъ, нежели въ православную вѣру. Остяки убѣгаютъ отъ православія въ лѣса и такимъ образомъ раздробляются на особенныя семейства. Остяки уже сознаютъ, по словамъ Кастрена что выгодно было бы для нихъ поселиться по берегамъ богатой рыбою Оби, но ихъ удерживаетъ отъ того боязнь русской вѣры и ея проповѣдниковъ **. То же нерасположеніе къ православію и миссіонерамъ видимъ у бурятовъ, коряковъ, камчадаловъ. Причины этого понятны — насильныя, въ тѣ времена, обращенія къ вѣрѣ и притѣсненія отъ миссіонеровъ. Еще Щербатовъ говоритъ, что сибирскіе инородцы жаловались ему «на безчеловѣчіе и издомство поповъ своихъ, кои только грабятъ и мучить ихъ пріѣзжаютъ» ***.

Чтобы нагляднѣе показать бѣдственное положеніе сибирскихъ инородцевъ, взглянемъ на бытъ гижигинскихъ и охотскихъ тунгусовъ и остяковъ Западной Сибири.

Племя бродячихъ тунгусовъ охотскаго округа было нѣкогда довольно многочисленно, но въ настоящее время существуютъ только жалкіе остатки его. Состоянію ихъ разстроилось окончательно въ сороковыхъ годахъ. Въ 1844 г. кочевавшіе на р. Алданѣ тунгусы по неудову рыбы, принуждены были питаться сосновою корою. Отъ этой пищи они до того разслабли, что не знали—будутъ-ли въ силахъ заняться въ удобное для того время ловлей нерпѣ. Семья тунгусовъ кочевавшая и умиравшая съ

* *Амуръ* 1861 г. стр. 469.

** Русское Слово, 1861 г. кн. IX, стр. 211.

*** Статистика, въ Чтен. Об. И. и Д. Р. 1859 г. кн. III.

голода около залива Аянъ, не имѣла силъ дойти до факторіи російско-американской компаніи; управляющій факторіей, узнавъ объ этомъ, поспѣшилъ на помощь, но засталъ въ живыхъ только одного тунгуса.

Тунгусы, кочевавшіе въ числѣ 600 человекъ у залива Аянъ, были причислены къ Амгинской церкви, отстоящей отъ ихъ кочевья на 850 верстъ. Для исполненія христіанскихъ обязанностей, они должны были отправляться на назначаемое выѣзжавшимъ изъ Якутска священникомъ мѣсто. Этотъ выѣздъ часто бывалъ во время рыбной ловли, когда тунгусы запасаются продовольствіемъ на цѣлую зиму. Выѣзжая въ это время на назначенное попомъ мѣсто, они не успѣвали заготовить запасовъ на зиму и принуждены были терпѣть голодъ. Для священника тунгусы должны были приготовить на Хахарскомъ урочищѣ два плота, на 15 лошадей каждый, и на Чумаканѣ девять лодокъ съ гребцами. Тоже было при разѣздахъ лекаря съ фельдшеромъ для прививанія оспы.—Для пріобрѣтенія свинца и пороха тунгусы должны были выходить, на-встрѣчу ѣздившаго по округу исправника, къ Нелькану, за 250 верстъ. Если исправникъ выѣзжалъ лѣтомъ, то тунгусы, отправляясь къ Нелькану, принуждены были бросать рыбную ловлю; если же выѣздъ исправника случался зимой, то не имѣя ни оленей, ни собакъ, многіе тунгусы не могли выѣхать къ нему. Для сбора ясака исправникъ ѣздилъ по стойбищамъ инородцевъ, имѣя съ собою 5 и болѣе нартъ, слѣдовательно 36—56 собакъ, которыхъ тунгусы должны были кормить собственными оленями. Въ сборѣ ясака не было ни системы, ни справедливости. Исправники брали ясакъ только съ тѣхъ тунгусовъ, которыхъ встрѣчали, а набрать нужно было непременно все количество, слѣдующее съ рода. Многіе тунгусы стали избѣгать встрѣчи съ исправникомъ, увеличивая тѣмъ количество ясака съ своихъ родичей, попадавшихъ на глаза сборщику. Кромѣ того, ясакъ платился за увѣчныхъ, хилыхъ отъ старости, даже за умершихъ.—Продовольствіе осѣдлыхъ жителей ничѣмъ не было обезпечено; во многихъ селеніяхъ гижигинскаго округа не было рыбныхъ запасныхъ магазиновъ. При каждомъ неудовѣ рыбы, а слѣдовательно и голодовкѣ, тяжесть пропитанія осѣдлыхъ жителей падала на тунгусовъ. Гижигинскіе жители съ давнихъ поръ отгоняли у инородцевъ цѣлые табуны оленей. Этотъ способъ обезпеченія продовольствія употреблялся и начальствомъ сплошь да рядомъ. Многіе тунгу-

сы совершенно лишились стада и только съ вѣзальными оленями перекочевали въ Камчатскій округъ; другіе удалились къ Анадыру. Дѣйствительность упомянутыхъ отгоновъ подтверждается официальными актами. Вотъ напр. одинъ изъ многихъ случаевъ въ 1839 году корякъ Хегылтыевъ кочевалъ на р. Таловкѣ. Пріѣхалъ лекаръ Ивановъ и объявилъ ему, что по случаю голодовки въ Гижигѣ, онъ долженъ прикочевать съ своими оленями къ городу. Только по усиленнымъ просьбамъ Хегылтыева, ему дозволено дойти до Паренскаго селенія, гдѣ взяли у него и тотчасъ погнали къ Гижигѣ 200 оленей. Число оленей отнятыхъ у тунгусовъ во время голодовокъ, было: въ 1816 — 1818 г. на 9194 р., въ 1826 — 1827 г. на 5707 р., въ 1832 г. на 2435 р., въ 1830 г. на 2666 р., въ 1840 г. на 2060 р., въ 1841 г. на 1165 р., въ 1842 г. на 1200 р., въ 1843 г. на 625 р.. Все это было записано, какъ добротныя пожертванія инородцевъ.

Не только начальники, но и простые русскіе смотрѣли на инородцевъ, какъ на какихъ-то данниковъ. Каждый пріѣзжій русскій пользовался такимъ числомъ оленей, какое считалъ нужнымъ. До сихъ поръ коряки на каждую нарту пріѣзжихъ русскихъ бьютъ по оленю *даромъ*. Все это могло-ли не разорить окончательно инородцевъ? «Лишившись домашняго хозяйства, инородецъ разоряется; на промыселъ онъ надѣяться не можетъ, потому что казна не даетъ ему въ долгъ пороха и свинца. Онъ уходитъ въ пустыню, убиваетъ для пищи послѣдняго вѣзалаго оленя, продаетъ для взноса ясака послѣднюю одежду и часто гибнетъ съ цѣлымъ семействомъ. Такимъ образомъ разорились тунгусы уягонскаго 1 и 2 и долгонскаго родовъ, и коряки.» *

Обратимся теперь къ остякамъ западной Сибири и инородцамъ туруханскаго края.

Какъ скоро инородцы дѣлаются осѣдлыми и вмѣсто звѣроловства начинаютъ заниматься хлѣбопашествомъ, то они переводятся на денежный окладъ. Но переходъ отъ звѣроловаго быта къ земледѣлію совершается не вдругъ, а постепенно; бросивъ соболиный промыселъ, остякъ долго еще остается звѣроловомъ и не принимается за соху. Между тѣмъ, онъ обязанъ платить подать соболемъ, котораго онъ уже не промышляетъ; и многіе остяки принуждены покупать соболей, чтобы уплатить ясакъ ** .Въ туруханскомъ краѣ въ управленіе инородцами во-

* *Амуръ*, 1862 г.

** Потанинъ, Русское Слово 1861 г. кн. IX, стр. 197.

шло также много стѣснительныхъ мѣръ, обратившихся въ законный обычай. Такъ наприм. тазовскіе юраки считаются причисленными къ магазину у часовни, гдѣ вносятъ ясакъ и отбиваютъ ямскую повинность, а живутъ, между тѣмъ, за нѣскольکو сотъ верстъ, на Енисеѣ, гдѣ также требуются съ нихъ ямскіе подводы. Долганы и тунгусы сильно обременены доставкою хлѣба за тундру и подводною гоньбою. Авамскіе самоѣдскіе старшины съ береговъ океана, съ р. Таймура, должны приходить въ Дудину для взноса ясака и для поставки ямскихъ подводъ. Ко всѣмъ этимъ законнымъ повинностямъ нужно прибавить еще *беззаконныя* дѣйствія чиновниковъ. Г. Толль рассказываетъ, что нѣкоторые должностныя лица собирали ясакъ и деньги за хлѣбъ, выданный инородцамъ, и не записывали вовсе или записывали на приходъ только часть, сдавая въ казну негодную и оставляя себѣ лучшую пушнину. Одинъ чиновникъ, посланный для изслѣдованія причинъ голоду между инородцами, былъ признанъ сумасшедшимъ и отозванъ назадъ, когда началъ раскрывать истинную причину горестнаго положенія инородцевъ. Назначенная послѣ того комиссія, вмѣсто слѣдствія, пустилась въ торговлю. *

Торговля инородцевъ съ русскими съ самаго начала русской колонизаціи поставлена въ невыгодныя условія. До нынѣ дѣйствующимъ указомъ 1844 г. въѣздъ въ инородческія стойбища дозволенъ русскимъ купцамъ только въ январѣ мѣсяцѣ да еще съ 15 іюня по 1 сентября. Въ остальное время купцы не только не имѣютъ права въѣзжать въ инородческіе улусы, но и оставляютъ тамъ непроданныхъ товаровъ. Но въ теченіе января мѣсяца не возможно купцу объѣхать весь нарымскій край по глубокимъ снѣгамъ, въ трескучіе морозы; да и у инородцевъ въ это время нѣтъ никакого товару: все сдано ими въ казну за хлѣбъ, порохъ и свинець, въ уплату ясака. Если же бы и случилось въ это время пріобрѣсть отъ инородцевъ нѣсколько товара, то его некуда сбыть: Ирбитская ярмарка бываетъ въ февралѣ мѣсяцѣ и на нее не поспѣть. Лѣтомъ же, въ іюль и августъ, большая часть остацкаго населенія въ разбродѣ, кто ушелъ на рыбную ловлю, кто для найма въ работу, кто для взносу ясака. У оставшихся въ стойбищахъ нѣтъ товара; а найдется, — опять некуда сбыть: въ Нижній на ярмарку не успѣешь. При

* «Туруханскій край», *Амуръ* 1861 г.

такое положеніи дѣлъ купцы, изъ которыхъ многіе раззорились, почти совсѣмъ прекратили свои торговые дѣла съ остяками, а послѣдніе лишились возможности сбывать рыбу, кедровые орѣхи, пушнину, не стали ходить за звѣремъ, начали заниматься въ работы и претерпѣвая крайнюю скудость и лишенія, пробиваются кой-какъ рыболовствомъ. *

Въ видахъ обезпеченія инородцевъ, какъ извѣстно, заведены казенные хлѣбные магазины. Но такъ какъ по закону, вахтера должны выдавать хлѣбъ по требованію и подъ отвѣтственность почетныхъ инородцевъ, которые бы обезпечивали уплату, то часто вахтера отказываютъ въ выдачѣ хлѣба дѣйствительно нуждающимся, а снабжаютъ только зажиточныхъ. Произвольное возвышеніе цѣнъ—дѣло также довольно обыкновенное; по всѣмъ магазинамъ туруханскаго края считаются огромныя недоимки, которые давно уже уплачены, или даже никогда не существовали; на 64 чел. напр., считается дома 13 т. р. с. ** Кромѣ того, казенный хлѣбъ гораздо дороже стоитъ инородцамъ, чѣмъ купленный у частныхъ лицъ. Да и отпускается его не много: всего 5, иногда 10 пудовъ на всю семью. Промыслы часто не удаются; казенный долгъ на инородцѣ растетъ и часто онъ припужденъ бросить свою семью на произволъ судьбы и идти куда-нибудь на золотыя пріиски.

При такихъ условіяхъ жизни, остяки постепенно вырождаются, умираютъ, постепенно тупѣютъ, не вѣря даже въ возможность улучшенія своей участи. Тоже самое должно сказать и о другихъ инородческихъ племенахъ: они гибнутъ и окончательное исчезновеніе ихъ несомнѣнно. А между тѣмъ Сибирь страдаетъ безлюдьемъ, недостаткомъ рабочихъ рукъ! Мы ничего не говоримъ противъ слитія туземныхъ народностей съ русскою: пусть сама жизнь рѣшитъ—оставаться-ли инородцамъ отдѣльными, обособленными племенами, или войти въ составъ сибирскаго народа. Но можетъ-ли равнодушно смотрѣть человекъ на уничтоженіе цѣлыхъ племенъ, на ихъ жалкую жизнь и смерть отъ голода, отъ оспы, отъ сифилиса? Оставляя даже въ сторонѣ чувства гуманности, и руководствуясь одними народно-экономическими соображеніями, нельзя безъ глубокаго горя видѣть это уничтоженіе рабочихъ силъ въ малонаселенной странѣ. Всѣ сибирскіе инородцы—трудолюбивые, полезные работники и про-

* Русское Слово 1859 г. кн. IX, стр. 198—200.

** «Тур. край», *Амуръ* 1861 г.

мышленники; звѣринный и рыбный промыслы находятся главнымъ образомъ въ ихъ рукахъ ; перешедши къ осѣдой жизни , они дѣлаются примѣрными хлѣбопашцами; каковы, напр., забайкальскіе и балаганскіе буряты. Съ устраненіемъ причинъ ихъ вымиранія, съ поправленіемъ ихъ жалкой жизни , они бы , безъ сомнѣнія, болѣе цивилизовались, русѣли и сдѣлались бы одними изъ полезнѣйшихъ членовъ сибирской земли. Если же современное положеніе ихъ не измѣнится вскорѣ на лучшее, то исчезновеніе большинства ихъ несомнѣнно. Пересмотръ «Сибирскаго Уложенія» и въ этомъ отношеніи крайне необходимъ.

IV.

Колонизація Сибири имѣетъ двойной характеръ—*вольно-народный* и *прикизно правительственный*. Но народъ всегда предупреждалъ правительство. Походъ и завоеванія Ермака не имѣютъ вовсе правительственного характера : толпа вольныхъ казаковъ, не имѣя ни указа, ни помощи правительства, даже безъ вѣдома его, идетъ въ Сибирь, получаетъ вспоможеніе отъ промышленниковъ Строгановыхъ и покоряетъ Кучумово царство. Этотъ походъ Ермака, безъ вѣдома московскаго правительства, раздражилъ послѣднее. Въ царской грамотѣ Строгановымъ * дѣлается выговоръ за отпущь казаковъ въ Сибирь, а послѣднимъ царь угрожаетъ казню. Но когда въ Москвѣ услышали объ успѣшности похода казаковъ, когда царь получилъ изъ Сибири драгоцѣнные мѣха и увидѣлъ, что Сибирь можно сдѣлать «прибыльною государевой казнѣ,» тогда послана къ Ермаку похвальная грамота и подарки; всѣ казаки прощены и обнадежены царскою милостію. Съ этого же времени начинается вольная колонизація Сибири, идущая черезъ всю сибирскую исторію до настоящаго времени. По свидѣтельству Витзена , съ казаками, посланными изъ Сибири къ царю и теперь ѣхавшими обратно, пошло въ Сибирь 1,500 семей вольныхъ переселенцевъ. Затѣмъ, особенно въ царствованіе Алексѣя , Ѳедора и Годунова бѣжали въ Сибирь «вольные гулящіе люди,» помѣщичьи крестьяне, раскольники, лица избѣгавшіе суда. Рекрутскіе наборы, ревизія, подушныя подати, тяжелая служба и казенныя работы въ царствованіе Петра гнали въ Сибирь тысячи народа , особенно раскольниковъ и солдатъ. Изъ одного указа 1986 г. вид-

* Истор. Сибири, Миллера, ч. I, стр. 117.

но, что изъ Архангельскаго края $\frac{2}{3}$ населенія, состоявшаго изъ 7,000 дворовъ, ушло въ Сибирь и на Донъ. Всѣ эти переселенцы устроили въ Сибири свои вольныя, независимыя общины; таковы были напр. раскольничьи поселенія на Уралѣ. Чтобы ближе познакомиться съ характеромъ и устройствомъ этихъ вольныхъ поселеній, остановимся нѣсколько времени на алтайскомъ обществѣ *каменьщиковъ* *. Въ неприступныхъ, но плодоносныхъ и живописныхъ ущельяхъ Алтая, въ началѣ XVIII вѣка, начали селиться раскольники, бѣглые солдаты, матросы, крестьяне, заводскіе рабочіе. Они селились маленькими общинами, занимались хлѣбопашествомъ, рыболовствомъ и звѣроловствомъ, для чего ходили даже въ предѣлы Китая, на берега Чернаго Иртыша, гдѣ ловили рыбу и промышляли бобровъ. Для добычи соли они ѣздили къ озерамъ Кулундинской степи. Имѣли торговыя сношенія съ китайцами и съ русскими заводскими крестьянами, послѣднихъ часто уговаривали переселяться къ нимъ. Они не совершали церковныхъ браковъ, не крестили дѣтей. Управлялись черезъ выборныхъ начальниковъ. Но почему-то однажды выбрали двухъ старшинъ, самовластіе которыхъ положило начало внутреннимъ раздорамъ общинъ каменьщиковъ. Каменьщики осудили своихъ старшинъ на смерть: они были распяты на плотахъ, которые спущены по Иртышу. Къ этимъ раздорамъ присоединилось еще другое бѣдствіе — страшный голодъ, во вѣдствіе неурожаевъ. Между тѣмъ, начальство горнаго округа высылало часто противъ каменьщиковъ казаковъ, разорявшихъ ихъ деревни. Они поставлены были въ необходимость, просить о принятіи ихъ въ русское подданство; нѣкоторые, однакожь, числомъ 60 человекъ, отправились въ Китай и просили Богдыхана принять ихъ въ свое подданство, но имъ отказано. Русское же правительство въ 1791 г. приняло ихъ въ подданство, на правахъ осѣдлыхъ инородцевъ **. Нынѣшніе потомки каменьщиковъ успѣшно занимаются земледѣліемъ, звѣриннымъ промысломъ, ткуютъ холстъ и грубое сукно, торгуютъ съ китайцами и съ русскими купцами. Религіозные обычаи мало ими соблюдаются. Одежда ихъ оригинальна: за плечи всегда закинута винтовка, на кушакѣ виситъ длинный ножъ. Одежда ихъ показываютъ отвагу, проворство и удалъ. ***

* Т. е. *горцевъ*, отъ *камень*—гора.

** Сибирскій Вѣстникъ, 1818 г., Ж. М. Н. П., ч. XLVI. стр. 225.

*** Гагемейстеръ, томъ II, стр. 53.

Вольное переселеніе въ Сибирь совершается до сихъ поръ. Въ Западную Сибирь приходитъ много крестьянъ изъ внутреннихъ губерній отыскивать себѣ удобныя мѣста для водворенія. Крестьяне большею частію находятъ такія мѣста и подаютъ просьбы о перечисленіи, а сами остаются на избранныхъ мѣстахъ. Обыкновенно они имѣютъ паспорта, а иногда и не имѣютъ ихъ. Дѣла о перечисленіи тянутся очень долго; иногда 5—6 лѣтъ; между тѣмъ крестьяне обживаютъ на выбранныхъ ими мѣстахъ, обзаводятся хозяйствомъ, пашнями, домами *. Иногда же самовольные переселенцы устроятся гдѣ-нибудь въ невѣдомой глуши, строятъ деревню, занимаются хлѣбопашествомъ и другими промыслами, и живутъ себѣ самобытною жизнью. Въ томской губерніи случалось, что открывали въ тайгѣ богатые села, совершенно неизвѣстныя и не подвластныя никому до того времени. Такъ сильна симпатія народа къ вольной колонизаціи. Безъ всякихъ пособій отъ казны, самъ своими силами онъ поднимается съ мѣста родины, идетъ въ далекую Сибирь, селится здѣсь и прилежный трудъ его вознаграждается съ избыткомъ, селеніе процвѣтаетъ, жители довольны своей судьбой. Но вольная колонизація Сибири поставлена во многія стѣснительныя условія, и хотя она идетъ черезъ всю сибирскую исторію, но идетъ, большею частію, вопреки закону, полагающему ей весьма тѣсныя границы.

Мы уже сказали, что когда въ Москвѣ увидѣли прибыльность Сибири государевой казнѣ, то приняли ее въ подданство Росіи, и московскій царь принялъ къ прежнимъ титуламъ новый—*царя сибирскаго*. Началась правительственная колонизація, партіи казаковъ, стрѣльцовъ и охочихъ людей покоряли туземцевъ, строили, съ дозволенія правительства, города и остроги, въ которыхъ селились сами, наблюдали за вѣрностью туземцевъ московскому царю, собирали съ нихъ ясакъ и пошлины, не забывая и о своемъ обогащеніи на счетъ инородцевъ. Города и остроги должны были строиться не иначе, какъ по указу правительства. Такая система приводила вотъ къ какимъ, на примѣръ, результатамъ. Березовъ, Пелымъ, Обдорскъ, Мангазея, Туруханскъ были построены на мѣстахъ вовсе неспособныхъ къ хлѣбопашеству; пропитаніе служивыхъ людей, жившихъ въ этихъ городахъ лежало на чердынцахъ, пермичахъ, витчанахъ, и соль-

* *Амуръ* 1861 г., стр. 319.

вычегодахъ, обязанныхъ доставлять въ сибирскіе безпашенные города хлѣбъ, крупу и толокно. Эта повинность была разорительна какъ для поставщиковъ, такъ и для придорожныхъ жителей, которые должны были перевозить эти запасы въ Сибирь, при тогдашней постоянной ямской гоньбѣ, лежавшей на нихъ же, по тогдашнимъ сквернымъ дорогамъ. Запасы доставлялись крайне неисправно, что производило въ Сибири голодъ, отъ котораго служивые и другіе люди мерли часто сотнями. Кромѣ того, что города строились въ мѣстахъ непашенныхъ, и продовольствіе ихъ хлѣбомъ изъ другихъ городовъ было разорительно для послѣднихъ, а первые часто подвергало голоду, — указные города строились иногда на мѣстахъ совершенно негодныхъ для житья. А перенести городъ на болѣе удобное мѣсто не смѣли безъ указа изъ Москвы. Такъ напр., Нарымъ былъ построенъ среди болотъ; весеннія наводненія Оби сносили избы, топили скотъ, жители раззорялись и страдали отъ сквернаго климата. Въ 1614 г. было разрѣшено перенести Нарымъ на новое, еще худшее стараго мѣсто. Цѣлыхъ 12 лѣтъ жители жаловались на крайнее неудобство новаго города, и только на тринадцатый годъ указъ изъ Москвы разрѣшилъ снова перенести Нарымъ. Города, основанные безъ указа, вооружали противъ себя правительство; за построеніе города Рогова, бывшаго мѣстомъ торговли между самоѣдами, остяками, и пустозерскими жителями, пустозерскій начальникъ получилъ строгій выговоръ, торговать въ Роговъ было запрещено, и этотъ городокъ, возникшій вслѣдствіе естественной потребности удобнаго мѣста торговли, запустѣлъ.

Мы говорили выше, что ямская повинность лежала сперва на инородцахъ; вслѣдствіе постоянныхъ жалобъ ихъ на разорительность и тягость этой повинности, правительство сложило ее съ нихъ и начало заводить въ Сибири ямскія слободы. Переселяемые изъ Росіи ямщики получали отъ правительства нѣкоторое вспоможеніе. Но посылаемыхъ въ Сибирь казаковъ, стрѣльцовъ и ямщиковъ, было не достаточно для заселенія, необходимо было пригласить вольныхъ переселенцевъ, которые бы, занимаясь хлѣбопашествомъ и другими промыслами, обеспечивали продовольствіемъ русскія поселенія въ Сибири. Началось, при помощи правительства, переселеніе *охочихъ пашенныхъ людей*. На площадяхъ, базарахъ и улицахъ русскихъ городовъ, особенно близкихъ къ Сибири, бирючи *кличь кликали*,

вызывали желающихъ къ переселенію въ Сибирь. Эти вольные переселенцы получали отъ правительства подмогу—иногда деньгами, рублей по 25 на человѣка, иногда натурою—лошадьми, хлѣбомъ и т. п. Но не всякій желающій переселиться могъ идти въ Сибирь: для этого требовалось, чтобы онъ имѣлъ средства къ заведенію порядочнаго хозяйства на мѣстѣ новаго поселенія;—«а у всякаго бы человѣка (желающаго переселиться,) было по 3 мерина добрыхъ, да по 3 коровы, да по 2 козы, да по 3 свиньи, да по 5 овецъ, да по 2 гусей, да по пятеру куровъ, да по двое утятъ, да на годъ хлѣба, да соха со всѣмъ для пашни, да телега, да сани, да всякая житейская рухлядь.» * Поселенцы должны были воздѣлывать казенную пашню, въ чемъ они обязывались «крѣпкими поруками съ записями.» ** Вмѣстѣ въ тѣмъ, правительство заботилось о привлеченіи въ Сибирь переселенцевъ и другими путями: бродяги, бѣжавшіе въ Сибирь, получали прощеніе и причислялись къ новымъ мѣстамъ жительства; крестьянъ, отправляемыхъ въ Сибирь помѣщиками, зачисляли имъ въ рекруты, а съ 1853 г. воровъ и разбойниковъ, присужденныхъ къ отсѣченію перста лѣвой руки вѣчно ссылатъ въ Сибирь; съ 1686 г. стали ссылатъ бродягъ; затѣмъ политическихъ преступниковъ, раскольниковъ, бунтовщиковъ: такъ были сосланы мятежные псковичи, жители Углича, мятежные стрѣльцы и проч. Число ссылаемыхъ увеличилось особенно съ 1754 г., со времени уничтоженія смертной казни. Въ 1759 г. выселено изъ Россіи и причислено къ алтайскимъ заводамъ 12,000 крестьянъ, а къ нерчинскимъ заводамъ 3,500. Потомъ заселены были—Бараба, линіи Колыванская и Кузнецкая—выходцами изъ Польши, а Иртышская колодниками и отставными солдатами. Въ 1760 г. переселено было нѣсколько донцовъ, а въ 1770 полторы сотни запорожцевъ. Въ 1845 г. было отправлено пять регулярныхъ полковъ, которые расположены по пограничной линіи. Въ послѣднее время много шума надѣлала колонизація Амура. Представимъ краткій очеркъ ея, какъ поучительнаго примѣра, много говорящаго въ пользу полной свободы колонизаціи.

Заселеніе Амура произведено тремя путями: посредствомъ забайкальскихъ казаковъ, о которыхъ мы говорили выше, штрафныхъ солдатъ и вольныхъ переселенцевъ. Прежде всего бросаетъ

* А. А. Э. т. I, № 348.

** Ibid. т. II, № 133.

ся въ глаза неприготовленность и какая-то непростительная небрежность приставниковъ этого дѣла. Вольныхъ переселенцевъ не предупредили, что ихъ телеги (съ дубовыми колесами и желѣзными осями) не возмуть на сплавъ, отчего они и принуждены были бросить ихъ за безцѣнокъ на Шилкѣ. Въ 1855 г. переселенцевъ славили на устье Амура, сказавъ имъ, что ихъ поселятъ близко: въ надеждѣ на это, зажиточные взяли съ собою много хлѣба и другихъ хозяйственныхъ предметовъ, пригнали много скота,—какъ вдругъ имъ объявили, что они могутъ взять съ собою только небольшое, опредѣленное количество скота... Принуждены были переселенцы бросить многое изъ своего имущества даромъ, или продать за безцѣнокъ.* Плоты и баржи, на которыхъ сплавлялись переселенцы, не имѣли никакихъ удобствъ, и постоянно садились на мель; переселенцы страдали отъ дождя и холода, страдали и отъ голода. Но, вотъ, они добрались до мѣста прселенія. Выборомъ этихъ мѣстъ распоряжались чиновники, совершенно не знакомые ни съ мѣстностью, ни съ нуждами колонистовъ. Мѣста выбраны большею частью совершенно негодныя для хозяйства и хлѣбопашества. Иногда переселенцевъ просто *высаживали на болото и приказывали тутъ селиться*,—«такая де судьба ваша!»** Поселенцы весьма многихъ станицъ просились на новыя мѣста, но имъ отказано...А между тѣмъ—мѣста, выбранныя чиновниками совершенно негодны или мало способны къ хлѣбопашеству. Таковы напримѣръ, станицы Амазарская, Бекетова, Ваганова; таковы визовья Амура съ ихъ болотами, озерами, трущобами, суровымъ климатомъ, скудною почвой.

Снабженіе поселенцевъ припасами и земледѣльческими орудіями крайне неисправно. Часто цѣлые сплавы хлѣба и скота тонуть, по небрежности сплавщиковъ. Хлѣбъ получается подмоченный, солодѣлый и складывается прямо на сыромъ берегу, безъ всякой защиты отъ дождя.*** И сплошь да рядомъ голодуютъ колонисты; въ нѣкоторыхъ мѣстахъ по полгода сидятъ безъ щепотки соли (М. Сб. к. IV, с. 238;) въ другихъ ѣдятъ отъ нужды дубовые жолуди (ib. к. V, с. 85.) Манчжуры не только сами перестали торговать съ колонистами, но воору-

* Вѣстн. Промышлен. 1850 г. кн. х. с. 69.

** Морск. Сборн. 1861 г. к. х, 240.

*** Ibid. к. V, с. 18.

ютъ противъ послѣднихъ и амурскихъ инородцевъ. Къ тому же, сѣмена для посѣвовъ доставляются несправно, а приготовленные на Петровскомъ заводѣ земледѣльческія орудія крайне плохи и дороги; въ Читѣ, починномъ пунктѣ сплава, сошникъ стоилъ въ 1859 г. 5 р. сер., топоръ 1 р., 50 к. с. Ко всѣмъ этимъ бѣдамъ еще мало скоти; коровы сплавляемыя на плотахъ, промачиваютъ ноги и падаютъ; лошади измучены почтовою и курьерскою гоньбою, особенно послѣднею, такъ какъ число курьеровъ доходитъ до 100 въ годъ!

Переселенцы жили сначала въ сырыхъ и холодныхъ землянкахъ; теперь построены имъ домики изъ сыраго, сплавленнаго отъ Стрѣлки въ плотахъ лѣсу. Въ домахъ этихъ также сыро, какъ и въ землянкахъ—и лихорадки—постоянныя гости этихъ хиженокъ.

Многочисленныя казенныя повинности лежатъ на поселенцахъ; есть даже что-то въ родѣ постоянной повинности. Штрафныя солдаты размѣщены по казакамъ съ тѣмъ, чтобы ѣсть хлѣбъ хозяина и работать на него. Первое-то *амурцы*, какъ называютъ этихъ солдатъ въ Сибири, дѣлаютъ исправно, но работать не по ихъ части. Поэтому—они только отягощаютъ казаковъ. Вторая повинность—казенная, бесплатная постройки и перестройки, отрывающія постоянно отъ собственныхъ работъ. Постройка почтовыхъ станковъ возложена на линейныхъ солдатъ, обязанныхъ еще смотрѣть за почтовыми лошадьми и рубить дрова для казенныхъ пароходовъ. За все это они получаютъ 1½ ф. сухарей, муки,—когда дадутъ, крупы,—когда случится, и пополюгуду сидятъ безъ щепотки соли (М. Сб. к. X, с. 238). — Затѣмъ слѣдуетъ тягостная ямская повинность. — Даже на дѣвушкахъ и женщинахъ лежитъ повинность—дѣланіе кирпичей, по тысячѣ въ мѣсяцъ съ души (М. Сб. к. V, с. 85).

Не говоримъ уже о разныхъ распоряженіяхъ мѣстныхъ колонизаторовъ, напр. при постройкѣ станицъ, не говоримъ о такихъ бѣдственныхъ событіяхъ, какъ гибель отъ холода и голода въ амурской пустынѣ 13-го линейнаго батальона... Скажемъ только, что къ другимъ угнетателямъ колонистовъ присоединились и купцы, особенно агенты амурской компаніи. На устьѣ Амура пудъ мяса доходитъ часто до 12 р. с.: въ январѣ 1859 г. фунтъ коровьяго масла стоилъ въ Благовѣщенскѣ 1 р. сер. Только въ послѣднее время, слышно, изъ Америки привезено

достаточно черезъ Николаевскъ сахара и винъ, и, слѣдовательно, эти продукты дешевы.

Въ послѣднее время получены въ Петербургѣ самыя грустныя извѣстія о ходѣ амурскаго дѣла. По словамъ забайкальскаго корреспондента *Съверной Пчелы*, все населеніе Амура поступило на казенное содержаніе, а войска—на уменьшенную дачу: Большую часть станицъ приходится переносить на новыя мѣста. Манчжуры вооружаютъ туземцовъ противъ колонистовъ; каторжники и солдаты бѣгутъ и разбойничаютъ по Амуру, проникаютъ даже въ Забайкалье. Свирѣпствуютъ цынга и тифъ, особенно въ Николаевскѣ. Скотъ, отправленный въ прошломъ году на Амуръ, весь потопленъ, хлѣбъ—тоже, а Забайкалье не въ силахъ болѣе удѣлять Амуру ни того, ни другого.

Спасти Амуръ могутъ только чехи и другіе славяне, если состоится ихъ переселеніе изъ Америки на Уссуріи и Амуръ. Полученныя недавно нами извѣстія изъ Иркутска передаютъ, что славяне готовы переселиться только подъ условіемъ сохраненія нѣкоторыхъ свободныхъ учрежденій, напр. самоуправления, свободы слова и печати * и т. п. Нельзя не пожелать отъ души, чтобы все это осуществилось. Эти колоніи подѣйствовали бы благотворно не только на экономическое, но и на нравственно-гражданское состояніе восточной Сибири.

Но не одинъ Амуръ нуждается въ колонизаціи, колонизаціи свободной. Вся Сибирь страдаетъ малонаселенностью, недостаткомъ рабочихъ рукъ, населеніе ея одними ссыльными вредно дѣйствуетъ на бытъ сибиряковъ; необходимо, какъ можно больше и скорѣе, увеличивать число вольныхъ, трудолюбивыхъ и честныхъ поселенцевъ. Не въ томъ вопросъ—гдѣ взять ихъ,—ихъ найдется много изъ густо-населенныхъ губерній Россіи, изъ Китая и Манчжуріи, изъ Америки—чеховъ и другихъ славянъ, найдутся, вѣроятно, и европейскіе поселенцы. Вопросъ въ томъ—при какихъ условіяхъ возможна эта колонизація?

Прежде всего, по нашему мнѣнію, необходимо составить и издать популярное описаніе Сибири, съ обозначеніемъ мѣстъ, удобныхъ для поселенія и того или другаго промысла, съ опи-

* Они хотятъ перенести съ собой на Амуръ и свой журналъ *Slavia*. Редакторъ этого журнала посланъ отъ нихъ въ Сибирь депутатомъ для избранія мѣстъ и соглашенія съ правительствомъ относительно условій, на которыхъ они хотятъ переселиться.

саніемъ дорогъ, съ изчисленіемъ мѣстъ удобныхъ для остановки и отдыха, съ означеніемъ цѣнъ на разныя жизненныя потребности. Изданіе и продажу этой книги можетъ взять на себя «товарищество сибирской колонизаціи,» составленное изъ капиталистовъ и доставляющее кредитъ желающимъ переселиться. Это товарищество можетъ взять на себя перевозку колонистовъ и снабженіе ихъ деньгами на извѣстный срокъ. За учрежденіе подобнаго товарищества приличнѣе всего было бы взяться сибирскому купечеству; ужели оно еще не выспалось, ужели не надоѣло ему кутить, задавать въ честь чрева наибольшихъ пиры и банкеты? Не пора-ли приниматься за дѣла, выгодныя для себя, полезныя для родной Сибири. А что можетъ быть полезнѣе для послѣдней, какъ не приобрѣтеніе множества рабочихъ рукъ, какъ не увеличеніе населенія путемъ свободной колонизаціи?

Главнымъ препятствіемъ, задерживающимъ переселеніе въ Сибирь русскихъ крестьянъ и иностранцевъ служатъ слухи о бѣдственномъ результатѣ Амурской колонизаціи, о порядкахъ и характерѣ сибирской администраціи. Особенно эти слухи удерживаютъ отъ переселенія иностранцевъ. Ну, какой житель Сѣверной Америки, — будь онъ чехъ или другой славянинъ, — пойдетъ подъ нагайку и власть русскаго исправника, захочетъ подвергаться всѣмъ тѣмъ непріятностямъ, которыя сноситъ нашъ мужичекъ? Если же иностранные колонисты будутъ поселены въ Сибири на совершенно другихъ основаніяхъ, чѣмъ русскіе, если они будутъ избавлены отъ земской полиціи и получатъ права полнаго самоуправленія, — тогда, конечно, на переселеніе въ Сибирь иностранцевъ можно надѣяться. Но тѣ же бы права самоуправления должны получить и русскіе колонисты, — или, по крайней мѣрѣ, они должны быть избавлены отъ многихъ репрессивовъ, въ родѣ напр. постоянной заботливости о нихъ земской полиціи. — По нашему мнѣнію, рациональная колонизація Сибири должна быть обусловлена такими правилами:

1) Каждый русскій подданный, желающій переселиться въ Сибирь, имѣетъ полное на то право, если за нимъ нѣтъ неотбытыхъ общественныхъ повинностей. Разныя бюрократическія формальности, задерживающія выселеніе, не должны имѣть здѣсь мѣста. — Каждый иностранецъ имѣетъ право свободного поселенія въ избранномъ имъ мѣстѣ, на одинаковыхъ условіяхъ съ русскими колонистами. Селиться дозволяется и общиной и въ одиночку.

2) Каждая община управляется сама собою, безъ вмешательства постороннихъ властей; община сама распоряжается своими доходами, раскладываетъ подати и налоги, дѣлитъ и передѣляетъ землю, завѣдуетъ школами и другими общественными учрежденіями. Свобода вѣроисповѣданій, съ законнымъ огражденіемъ господствующаго вѣроисповѣданія, свобода занятій и промысловъ — также неотъемлемыя принадлежности общины.

3) Для споспѣшествованія къ заведенію, устройству хозяйства и уплаты тѣхъ долговъ, въ какіе войдутъ колонисты при своемъ переселеніи, — они освобождаются лѣтъ на 30 отъ рекрутской повинности.

При такомъ устройствѣ колоній, онѣ быстро будутъ развиваться и заселяться; иностранцы уже не побоятся тогда идти на Амуръ или въ другія мѣстности Сибири; и если бы колоніи устроены были такимъ образомъ, то, безъ всякаго сомнѣнія, Сибирь скоро пріобрѣла бы сотни тысячъ работниковъ.

Поселеніе въ Сибири преступниковъ, чтобы оно не имѣло вреднаго вліянія на благосостояніе и нравственность свободныхъ колонистовъ, должно измѣнить нѣсколько свой характеръ. Исторія показываетъ примѣры, что при рациональномъ устройствѣ быта колонистовъ-преступниковъ, они скоро исправляются и становятся полезными, трудолюбивыми и честными гражданами. Необходимо улучшить тюремный бытъ преступниковъ; потомъ, давать имъ работу, — исправленіе дорогъ, постройку разныхъ зданій. Чѣмъ согнать бѣдныхъ крестьянъ въ рабочую пору для исправленія дорогъ, — не лучше ли было бы употреблять на это преступниковъ? По окончаніи же срока тюремнаго заключенія, преступники должны быть приписываемы къ извѣстной общинѣ, должны получить извѣстное количество земли для хлѣбопашества. Надзоръ за ними долженъ быть ввѣренъ общинѣ; за доброе поведеніе имъ нужно давать постепенно права гражданъ общины, напр., право голоса на мірскихъ сходахъ. За проступки же община наказываетъ ихъ денежною пенью, оглашеніемъ ихъ дѣйствій, публичнымъ выговоромъ, тюремнымъ заключеніемъ, лишеніемъ нѣкоторыхъ правъ. При размѣщеніи преступниковъ по общинамъ должно наблюдать, чтобы число ихъ было гораздо меньше числа остальныхъ членовъ общины.

С. ШАНЦОВЪ.

(Окончаніе въ слѣдующемъ №).